

Колосёв
9
СЕНТЯБРЬ
1972

Костёр
9

СЕНТЯБРЬ
1972

Ежемесячный журнал

ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

**Витек Егоровых —
тысячи...
О каком из них
пойдет рассказ? 4**

**КТО ХОЧЕТ
БЫТЬ
ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ
КОЛХОЗА? 17**

*Сумасшедший
в полицейском
подвале 22*

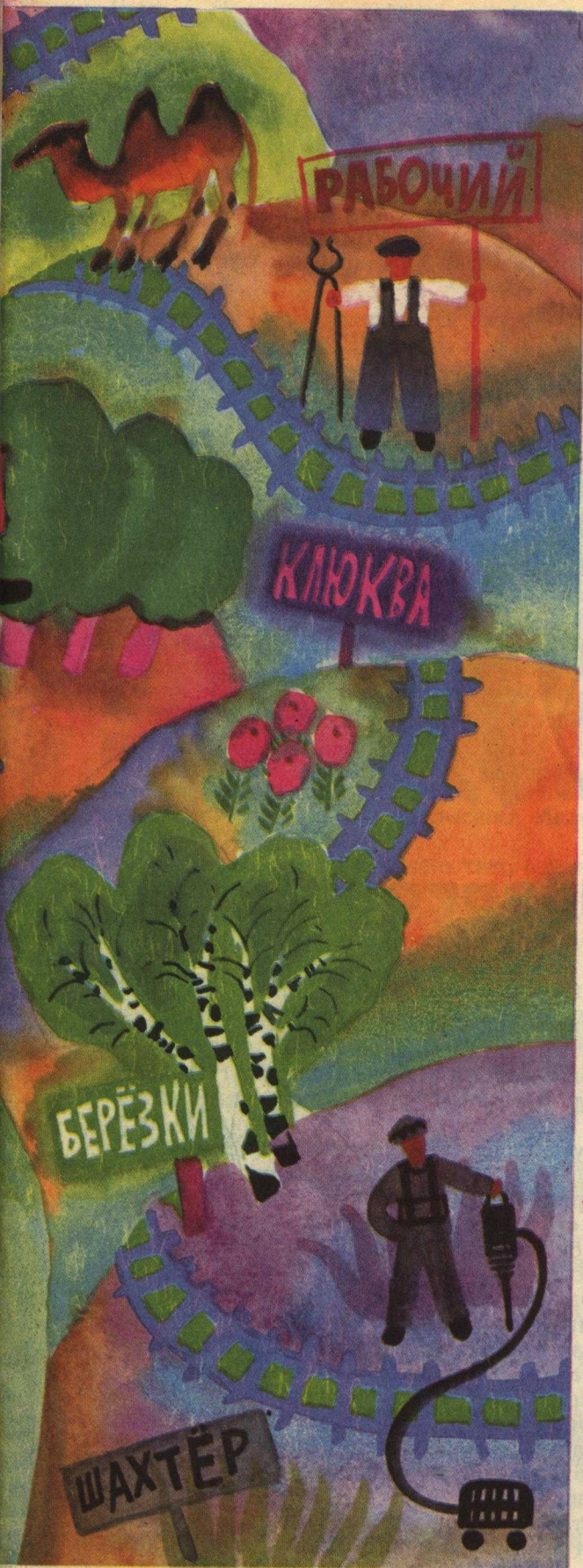
**„РАССТАВАНЬЕ ПОХОЖЕ
НА СМЕРТЬ“ 27**

**Шпионы проникли
в тетрадь 48**

**РОКОВОЙ
ПЕРГАМЕНТ
XI ВЕКА 54**

*На обложке
фото Е. Силявера*

ДАЛЬНИЕ СТАНЦИИ

Вольт Суслов

Рисунок С. Острова

Огромны просторы у нашей страны!
У Черного моря и ночи черны.

А белые ночи — у Белого моря
Плывут парусами в рассветные зори.
На север, на запад, на юг, на восток
Бегут и бегут километры дорог.

Бегут мимо станций.

А станций — не счесть!

Каких пожелаешь — такие и есть.

Подходит состав к полустанку **АЛЕША**,

А где-то лежит полустанок **СЕРЕЖА**.

Есть станция **ЛЕНА**, и **ЛИЗА**, и **ЛЯЛЯ**,

И станция **ДАРЬЯ**, и станция **ВАЛЯ**.

ВАДИМ, **ЕРУСЛАН**, **КАРОЛИНА**, **СПАРТАК**,
ПЕТРУНЯ и **ПРОНЯ**, **ТИМУР** и **ЕРМАК**.

Мы ехали лесом, смотрели в окошко.

Мелькали названия: **КЛЮКВА**, **МОРОШКА**...

Потом появились **КОВРИГА**, **БЛИНЫ**,

Потом — **МАМАЛЫГА**,

Потом — **КАВУНЫ**.

Мы ели в **БОРЩАХ** аппетитное мясо

И квас покупали на станции **КВАСЫ**.

Позвольте, куда это едет рыбак?

На станцию **СИГ** или в город **СУДАК**!

Вагоны бегут и бегут торопливо.

Вот станция **ВЕРБА**.

Вот станция **ИВА**.

Мальчишка в отглаженной новой матроске

Из **ЯСЕНЯ** к бабушке едет в **БЕРЕЗКИ**.

А девочка в шелковой пестрой косынке

Везет петуха из **КАШТАНА** в **ОСИНКИ**.

ЧЕРЕМУХА шумных мальчишек встречает.

РЯБИНА состава дожидаться не чает.

А сколько животных и птиц у дорог!..

Есть станция **БЕЛКА**.

А есть и **СУРОК**.

Сидят вдоль путей, как в полях у межи:

ГРАЧИ, **СНЕГИРИ**, **СОЛОВЕЙКА**, **СТРИЖИ**,

ИНДЮК и **ОРЕЛ**, **ЖУРАВЛИ** и **НЫРКИ**,

Немного проехал — попал в **БАРСУКИ**.

Сегодня мы в **ЛЕБЕДИ** к лебедям едем,

А завтра в **МЕДВЕДЬ** — к настоящим медведям.

На станции **ЗУБРЫ** стоим пять минут

И дальше скорее — к платформе **ВЕРБЛЮД**.

Верблюды так верблюды!

Удивляться не будем.

Уж если чему удивляться — то людям.

Они ведь построили тут города,

Дороги потом протянули сюда

И дали названия станциям этим:

ЗАБОЙЩИК, **ГОРНЯК**, **АГРОНОМ**, **ЭНЕРГЕТИК**,
ШАХТЕР, **МЕТАЛЛИСТ**, **ГИДРОУЗЕЛ**, **СТРОИТЕЛЬ**...

Вы едете мимо.

Сойти не хотите?

Слезайте, друзья! Поработайте с ними

И ваше на карте появится имя.

Витька с Выборгской

ПОВЕСТЬ

Рюальд Назаров

Рисунки И. Харкевича

Для начала скажем прямо и честно: Витька Егоров вовсе даже не Витька Егоров, а совершенно другой человек. Его и зовут в жизни не так, и фамилия у него иная. Просто это маленькая хитрость — назвать его Витькой Егоровым. Но так надо. Пускай попробуют отыскать, о ком в самом деле речь! Витек Егоровых — тысячи, мало ли о каком из них пойдет рассказ?

Так что пусть будет Витька Егоров, проживающий в Ленинграде.

А вот тут никакой хитрости нет. Это сущая правда! Смешно было бы называть Ленинград, скажем, городом Энском. Такое вранье решительно ни к чему, и Витька первый уличил бы выдумщика и припер его к стенке, потому что из окна его квартиры виден именно Ленинград, а не какой-нибудь другой город.

Правда, если быть точным, из окна его квартиры на девятом этаже виден только квартал новостройки — море крыш с одинаковыми телеантеннами, повернутыми в одну и ту же сторону, тысячи окон, балконов, миллиарды

кирпичей, аккуратно сложенных в дома, в кварталы, в целый микрорайон.

Такие районы всюду похожи друг на друга, и если у кого-нибудь вдруг возникнет сомнение, а действительно ли это Ленинград, пусть он тут же спустится с девятого этажа на лифте, пройдет мимо детской площадки, выйдет на трамвайную остановку и сядет в «девятку» или «тридцать второй». Через полчаса трамвай окажется на Литейном мосту через Неву, а отсюда — пожалуйста! — открывается весь город. Вон стоит крейсер «Аврора». Дальше видна Петропавловская крепость. Еще дальше, за Кировским мостом, стрелка Васильевского острова с роstralными колоннами, а на другом берегу Невы над крышами домов и дворцов блестит, золотясь на солнце, купол Исаакиевского собора, похожего на гигантскую старинную чернильницу с бронзовой крышкой...

Итак, доказано, что в Ленинграде живет один человек, которого отныне нужно называть Витька Егоров.

Теперь самое время дать его портрет, однако вся беда в том, что портрета у Витьки нет. Он у него еще не оформился, что ли, этот самый портрет. Поэтому, чтобы создать его, сохранив хоть каплю сходства с оригиналом, то есть с самим Витькой, придется описывать все в отдельности. Отдельно — вздернутый нос, которым Витька частенько шмыгает. Отдельно — его слегка оттопыренные уши. Отдельно — глаза неуловимого и какого-то очень разнообразного цвета.

Все по отдельности.

А вот портрета не получится, даже если все это сложить вместе. В лучшем случае выйдет что-то вроде абстрактной картины, которая не только ничем не поможет, но, напротив, сильно обескуражит любого нормального человека.

Конечно, можно воспользоваться обыкновенной фотокарточкой — чего проще? Но тут тоже есть загвоздка: на этой фотографии Витька изображен с окладистой бородой и гусарскими усами. Это, понятное дело, явная приписка, выполненная шариковой ручкой с черной пастой. А другой фотокарточки под рукой нет.

Да, нелегкая задача давать портрет человека, у которого его еще нет. Ведь нужно найти в облике Витьки Егорова наиболее яркие черты, которые выражали бы самую суть характера.

У всех людей такие черты есть. Например, волевой подбородок. Или умная складка на переносице. Или глубокие залысины. Мало ли что.

А у Витьки Егорова ничего такого нет и в помине. Нет волевого подбородка, нет залысин, нет умной складки на лбу. А если что и бросается в глаза, то это несущественные и к тому же временные приметы: ссадинка, чернильный отпечаток на шее, огненная метка во всю щеку от кругого снежка или просто репейная колючка, впутавшаяся в белесые волосы. Все тут зависит от времени года и места действия.

Но вот вам — прекрасное время года! Осень, золотой сентябрь, сухо и тепло. И место действия подходящее — спортплощадка, где не менее тридцати ребят гоняют футбольный мяч.

Витька Егоров среди них — как же иначе?

А что если попросту подзвать его и взять у него интервью?

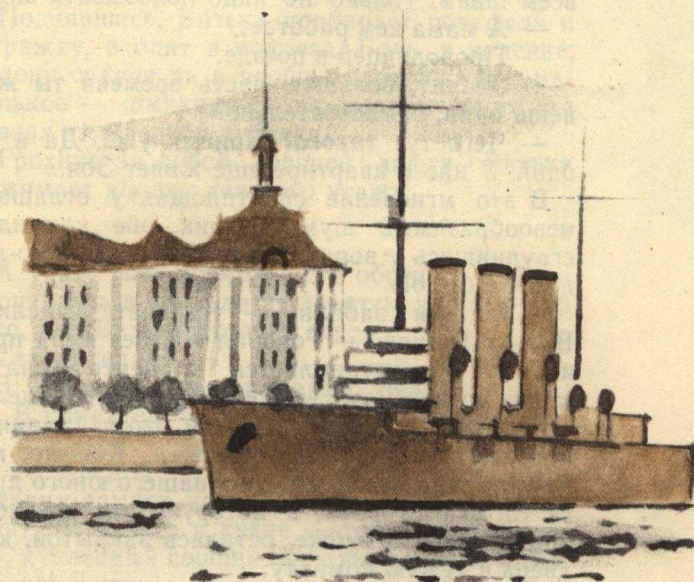
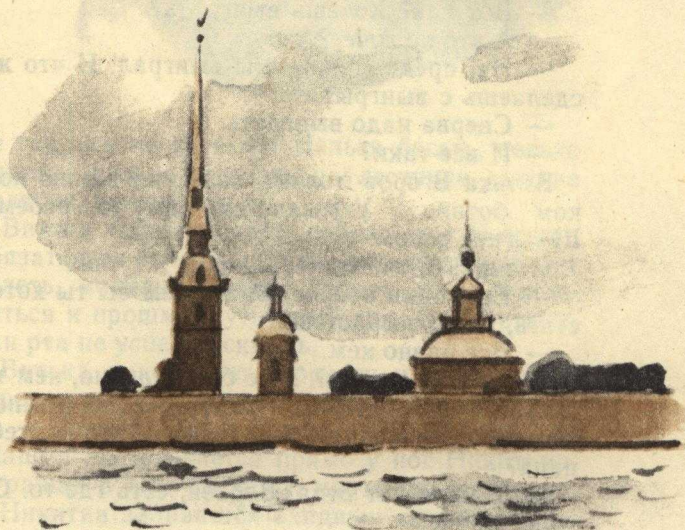
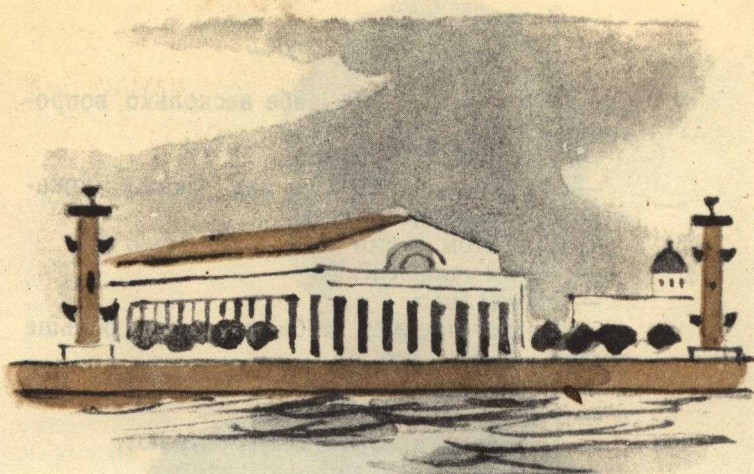
Еще никогда в жизни у Витьки Егорова не брали интервью!

Между тем тонко продуманными наводящими вопросами можно добиться от Витьки Егорова таких ответов, которые помогут глубже и полнее раскрыть его характер, заглянуть, как говорится, в душу нашего юного друга.

Рискнем?

Рискнем.

— Витя Егоров, можно тебя на минутку?

— Зачем?
 — Во-первых, здравствуй...
 — Здрасьте.
 — Мы хотим задать тебе несколько вопросов.
 — Для чего?
 — Чтобы ты ответил на них. Скажи, пожалуйста, в каком ты классе?
 — В шестом, а что?
 — И как учишься?
 — Нормально.
 — Какой предмет тебе нравится больше всего?
 — Все равно.
 — Как же так?
 — Я побегу, а? Без меня проиграют.
 — Значит, увлекаешься спортом?
 — Спортлото!
 — Вот как? Хочешь выиграть?
 — А кто не хочет?
 — Ну, предположим, ты выиграл. И что же сделаешь с выигрышем?
 — Сперва надо выиграть.
 — И все-таки?

Витька Егоров молчит, ковыряет землю носком ботинка. Ухмыляется чему-то своему. Шмыгает носом.

Интервью, очевидно, заходит в тупик.
 — Еще один вопрос, Витя. Кем бы ты хотел стать, когда вырастешь?
 — Все равно кем.
 — То есть — как? Тебе безразлично, кем ты будешь? Строителем, хирургом, капитаном дальнего плавания? Вот скажи, кто у тебя папа?

— У меня нет отца. Верней, есть где-то. Он ушел от нас.
 — Гм...

Тонко продуманные наводящие вопросы рассыпаются на ходу. Интервью трещит по всем швам. Только не надо показывать виду.

— А мама кем работает?
 — Проводницей в поезде.
 — Значит, большую часть времени ты живешь один, самостоятельно?
 — Чего тут такого? Привык уже. Да и не один. У нас в квартире еще живет Зоя...

В это мгновение спортплощадку оглашает невообразимый шум и крик, обе команды, сгрудившись у ворот, наперебой орут «го-о-л!» и «не-е было!»

— Нашим забили! — успевают выпалить Витька Егоров. — Говорил же, без меня проиграют! — и устремляется в центр гвалта, крича во всю мочь: — Не было гола, я видел!..

Ну что ж, следует признать, что задуманное интервью не оправдало надежд. Кое-что, конечно, стало яснее, но душа нашего юного друга Витьки Егорова, в которую так хотелось проникнуть поглубже, осталась закрытой, как дверь в чужую комнату.

Не взламывать же силой!..

А теперь возьмем карту нашей страны и найдем на ней Ленинград.

Это проще простого.

Вот Ленинград. От него на юг идет железная дорога: Москва, Тула, Курск, Орел, Харьков и еще дальше, в Крым, к Черному морю.

Это та самая дорога, по которой ездит проводницей Ольга Ивановна Егорова. Туда-обратно, туда-обратно. И кому, как не ей, порассказать бы про эту дорогу, но она всего не скажет, потому что всего не знает.

В самом деле, откуда ей знать, что если выйти на одной промежуточной станции и сесть в местный автобус, то через час он остановится на площади небольшого поселка, как раз у почты. И уж подавно не может знать Ольга Ивановна Егорова, что в один прекрасный день к почте подошла девочка и опустила письмо в почтовый ящик.

Письмо было адресовано в Ленинград и, вполне возможно, попало именно в этот поезд, только Ольга Ивановна ехала в своем пятом вагоне, а письмо — в почтовом.

Потом, уже в Ленинграде, Ольга Ивановна, закончив дела, отправилась домой, а письмо вместе с тысячами других писем прошло сортировку, определилось в нужное районное почтовое отделение и в скором времени оказалось не где-нибудь, а на столе директора школы.

Директор вызвал к себе Александру Михайловну Сковрцову, воспитательницу шестого «б» класса и, когда она пришла в кабинет, сказал ей:

— Вам письмо!

— От кого? — изумленно спросила она.

— От некоей Лены Измайловой, — сказал директор, вертя в руках синий конверт.

— Не знаю такой, — с уверенностью сказала Александра Михайловна.

В конверт было вложено два письма. Одно поменьше, другое побольше.

Письмо поменьше гласило:

«Прошу передать это ученику шестого «б» класса, у которого имя или фамилия начинается на букву «Е».

— Странная просьба, — заметил директор.

— У детей свой мир, ничего странного, — не согласилась воспитательница и, прищурившись, стала вспоминать, кто у нее в классе имеется на букву «Е».

— Егоров! — воскликнула она через секунду.

— Витя Егоров? — засмеялся директор. — Ну, ну. Вам видней.

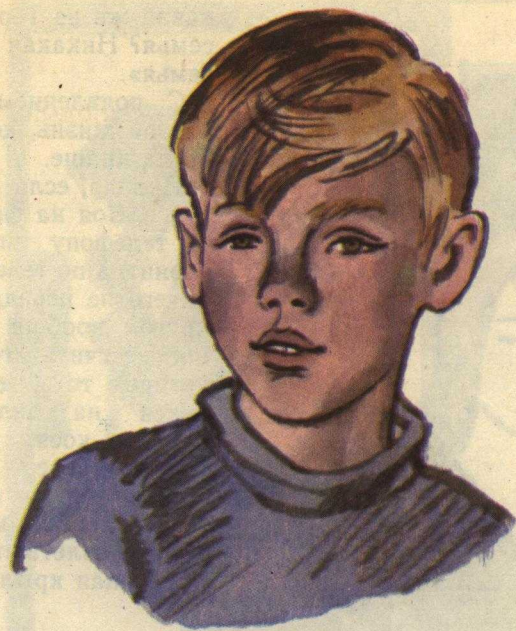
Письмо побольше было на целой странице в линейку, чистое и аккуратное, переписанное, видимо, с черновика набело. Очень старательное было письмо.

Вот оно, дословно:

«Здравствуй, незнакомый мальчик!

Пишет тебе Лена Измайлова, тоже ученица

шестого «б» в нашей школе. Давай будем переписываться с тобой. Я нарочно просила, чтобы твоё имя или фамилия начинались на букву «Е», потому что меня зовут Елена — тоже на букву «Е». Другого способа я не придумала. Этим летом мы ездили всем классом на экскурсию в Ленинград и жили как раз в твоей школе, в спортзале. Вот почему я пишу в твою школу, как в знакомую. Ленинград мне очень понравился. Мы были в Эрмитаже, в Русском музее, гуляли вдоль Невы и видели белые ночи. Какой ты счастливый, что живёшь в таком городе! У меня теперь мечта ещё раз приехать в Ленинград. Но это неизвестно, потому что мой папа офицер, летчик. Он служит там, где надо служить, а мы вместе с ним. Я хочу переписываться с тобой, чтобы ты писал мне про свой город, про себя. Может быть, мы станем друзьями. Желаю тебе успехов в учебе и в жизни. Пиши мне по адресу, который на конверте. Лена Измайлова».

— Ты, конечно, ответишь ей? — спросила Александра Михайловна, подождав, пока Витька прочтет это письмо. — По-моему, ты должен ответить. Во всяком случае, я сообщу Лене Измайловой, что её просьба выполнена и письмо вручено. Я обязана это сделать. Остальное уж зависит от тебя.

— Чего от меня зависит? Я не просил, она сама накатала, — буркнул Витька, которому все это было ни к чему.

— Не накатала, а написала, — поправила его Александра Михайловна и ушла.

В классе никого не было. Витька посмотрел в окно — там сеял дождик, на спортплощадке стояли лужи, в них плавали желтые листья.

«Вот свалилось на мою голову, — подумал Витька о письме от какой-то неизвестной Лены Измайловой. — Делать ей больше нечего!»

Настроение у него стало серым, как погода за окном. В своей жизни он не написал и не получил ни одного письма. И не испытывал в этом решительно никакой потребности. А тут вдруг нате вам — переписывайся, да еще и по обязанности! Охота была!

Витькино решение было окончательным и бесповоротным. Он сделал из письма птицу и пустил ее под потолок. Птица совершила плавный круг и вернулась на парту. Как бумеранг. Витька скомкал птицу, сунул в карман. В другой карман закинул конверт. Взял портфель и вышел из класса.

От школы до дома рукой подать. Тем более — бегом, под дождем, прыгая через лужи. В подъезде на лавочке сидит старик Никитин. Дышит воздухом. Дождь мешают Никитину проявлять активность, а так он всегда возле дома, с утра до вечера. То сгребает листья в кучу, то окапывает молодые деревца, то красит снаружи окна своей квартиры на первом этаже. Пенсионер, делать ему нечего, все ему

не так, все не по нему! Нельзя бегать, нельзя шуметь, нельзя держать на лестнице детские коляски, ничего нельзя!

Витька заранее знает: сейчас этот Никитин обязательно к чему-нибудь придерется, начнет зудеть, морали читать. Значит, надо изловчиться и прошмыгнуть мимо так, чтобы старикан рта не успел раскрыть.

Витька прибавляет скорости и, перемахнув через лужу у подъезда, летит к двери. Именно — летит! Запнувшись за поребрик, он плашмя растягивается прямо у ног Никитина, фуражка в одну сторону, портфель в другую.

Никитин заливается ехидным смехом:

— Так тебе и надо, не будешь бегать как оглашенный!

Смех у него переходит в кашель, кашель опять в смех — весело ему, слезы утирает!..

Поднявшись, Витька подбирает портфель и фуражку, входит в подъезд. Боль в коленке, ладони саднят да и вообще удовольствие маленькое — шмякнуться на ровном месте, на глазах изумленной публики!

Грохнув за собой дверцей лифта, Витька нажимает кнопку девятого этажа.

А у нас есть возможность обогнать лифт и проникнуть в шестьдесят девятую квартиру до того, как Витька отопрет дверь.

Так и сделаем.

В квартире две комнаты, балкон и кухня. В комнате с балконом живут Витька и мама, в другой — Зоя Терехова. Двери в комнаты не заперты — здесь это не принято. Да и никаких замков нет. В передней на столике стоит телефон, а в кухне — телевизор «Ладоса», купленный сообща. Как выразилась мама, «на две семьи». «Хотя, — подумал Витька, —

какая же из Тереховой семья? Никакая Зоя не семья».

С появлением телевизора жизнь, конечно, стала краше.

Правда, если мама в рейсе, Зоя на фабрике, по телефону никто не звонит, а по телевизору ничего не передают, то кругом вообще ни души, не считая голубей, которые то и дело садятся на балконные перила, косят глупым взглядом через стекло, а как только их пугнешь, лениво и недовольно взлетают, громко хлопая крыльями.

Еще год назад, когда Витька с матерью жил в старом облезлом доме, в огромной коммунальной квартире, стоило ему лишь высунуться из своей комнатенки и — его уже встречали, ждали, звали. Да и ребята какие были! С первых, можно сказать, шагов вместе. В одном дворе гуляли, в одну школу пошли, пять классов вместе отсидели. Все друг о дружке знали, все на глазах, в открытую. Уж коли товарищ, так товарищ — не выдаст, не продаст. А уж если недруг, то ему же хуже!

Теперь всех расселили по новым адресам, кого куда — в Купчино, на Гражданку, на правый берег Невы, а старый дом-громадину пустили на капитальный ремонт, выпотрошили, одни стены остались, в окнах небо просвечивает.

В новой квартире, конечно, стало удобней, просторней. И ванна есть, и лифт, и мусоропровод, но зато ребята незнакомые, все надо начинать заново, с имен и фамилий, и школа тоже новая, и учителя, и сам себя чувствуешь новеньким в классе!

Витьку посадили за одну парту с Федей Победимовым. Парень как парень, только суматошный очень — за все хватается, ничего до конца не доводит. Купили ему велосипед — гоняет на велосипеде. Купили фотоаппарат — щелкает, снимает, житья никому не дает. А потом вдруг бац! — марки собирает, одни марки на уме. И так все время, сплошные хобби, сегодня сам не знает, чем увлечется завтра.

Нет, Витьке не по душе такая целеустремленность в разные стороны. Семь пятниц на неделе! Может, поэтому и не завязывается у него с Победимовым узелок настоящей дружбы?

А вот с Зоей Тереховой совсем другое дело. Казалось бы — что общего? Она много старше — двадцать с лишним лет, вполне взрослая, работает на трикотажной фабрике, выступает в самодеятельности. Какое ей дело до шестиклашки? Просто соседи. А вот нет, оказывается, не просто соседи. Тут тебе и дружба, и равноправие, и полное взаимное доверие! Разве не равноправие, если Зоя с каждой полочки покупает две карточки спортлото, одну себе, другую Витьке, и вечером оба они сидят за столом и, загорядясь ладошками, чтобы не подглядывать, зачеркивают номера. Потом отсылают карточки и ждут не дождутся, когда в газете объявят результат тиража.

Правда, пока ни он, ни Зоя еще ни разу не угадали даже трех цифр.

«Опять не обрыбилось!» — смеется Зоя, и каждому ясно, что со следующей полочки она снова приобретет две карточки. «Ну не дураки?» — беззлобно говорит Ольга Ивановна, а Зоя обнимает ее. хохочет, кружит по кухне: «Теть Лель, вот выиграю пять тысяч, разделим на двоих и уж так развернемся, так развернемся!» Витька, сияя, смотрит на мать, на Зою,

шмыгает носом, рот до ушей, а в уме прикидывает, как бы сам он, Витька, развернулся с такой кучей денег? Планов у него на этот случай множество. Одно плохо, он сам чувствует, — все эти планы какие-то нетвердые, похожие на увлечения Федьки Победимова. Сегодня то, завтра это. Не годится так. Несерьезно. В жизни нужно крепко стоять на ногах и быть готовым заранее ко всему. Даже к выигрышу в спортлото!

Знать надо, чего ты хочешь в жизни...

И вдруг в передней звонит телефон.

— Вить, — говорит Зоя. — Если опять этот, меня нет дома и неизвестно, когда буду, ладно?

Мать качает головой и грозит ей пальцем.

Есть такой тип, который все время звонит. Кто он, откуда, какой — Витьке неизвестно. Ни имени, ни фамилии, просто — Этот. Как кличка. Один только голос известен — бархатный, медовый басок.

И разве, скажите, не признак это величайшего доверия, если Зоя обычно поручает Витьке отвечать ему по телефону?

То-то же!

Витька не спеша идет к телефону. Пускай подождет, потерпит пускай, нам не к спеху.

— Витька! — кричит мать. — А если кто по делу?

Витька срывает трубку.

— Алло?

— Будьте любезны, попросите Зою, — не голос, а мед из трубки.

— Ее нет дома, — неколебимо отвечает Витька, подмигивая стоящей поблизости Зое.

— А когда она будет? — горчит мед из трубки.

— Неизвестно.

Витька кладет трубку с чувством выполненного долга. Отшил Этого, выручил Зою. Зоя благодарно кивает, дарит улыбку, но улыбка почему-то не веселая, а глаза будто и не видят Витьку, смотрят мимо.

Был случай — Витька спросил прямо:

— Чего ему надо от тебя? Чего он пристаёт?

Зоя как раз была на кухне, гладила что-то, а заодно и Витькины брюки с отвислыми колготками. Гладила и как всегда пела:

Зачем мне это горе
дано судьбой?
Не ты со мною в ссоре,
а я с тобой...

Может, эта самая песня и навела Витьку на мысль спросить Зою в лоб:

— Чего он к тебе пристаёт?

Зоя не ответила, отмахнулась.

— Фантомас какой-то! — рубанул Витька.

— Вот именно что Фантомас, — усмехнулась Зоя.

И плотно замолчала.

Витька не в обиде. Понимает, не маленький, — есть вещи, куда нечего совать свой нос.

Другое дело, он не из праздного любопытства, а из желания помочь, из чувства солидарности с Зоей. Но взрослым это невдомек — все равно не пускают туда. Что ж! Им же хуже...

Между тем Витька давно поднялся на девятый этаж, вышел из лифта, отпер шестьдесят девятую квартиру, разделся, отмыл руки, измазанные и ободренные об асфальт. Потом разогрел обед, поел, вымыл за собой тарелку. Так уж у них заведено с матерью. «Нянек нам с тобой, парень, по штату не положено», — эти слова Ольга Ивановна сказала раз и навсегда.

И вот Витька сам себе хозяин! Что хочу, то и делаю! Но сегодня, как ни странно, мысли вращаются вокруг письма от какой-то Лены Измайловой. Ведь все решил, как отрезал, так нет! Дурной занозой засело в него это никому не нужное письмо.

Витька достал его из кармана, мятое-перематое, разгладил рукой. Вытащил и конверт с

адресом. Ну и что из того, что я на букву «Е»? Фамилия, значит, моя виновата. А у самой-то фамилия на «И»! Но это не в счет, да? Веселенькое дело! Кто хоть она? Отличница небось. Дуреха какая-нибудь. Воображала. Отец у нее, правда, военный летчик...

Вдруг в квартиру позвонили. Звонок был короткий, как будто руку током дернуло. Витька спросил, не отпирая:

— Кто там?

— Зоя Терехова дома? — отозвался медовый голос.

Этот! Звонил-звонил по телефону, ничего не добился, теперь приперся сам. Открывать или не открывать?

— Нет ее! — внятно сказал Витька.

— Понятно, — огорчился Фантомас за дверь.

— На работе она, — пояснил Витька.

— Не ты ли мне по телефону всегда отвечаешь? — спросил голос, прозвучавший вполне по-человечески, без вездливости.

— А что? — на всякий случай подстраховался Витька.

— Открой, старик, я тебя не съем! — засмеялся Этот, сильно подкупив Витьку тем, что назвал его «старик».

Витька отпер дверь. На площадке стоял парень как парень, в куртке, в джинсах и держал три гвоздики, завернутые в прозрачный целлофановый кулек.

— Ну, будем знакомы очно, — сказал он своим бархатным баском. — Меня зовут Толя. Толя Плужников.

И протянул Витьке руку.

Они пробыли вместе минут десять, наверно, не больше, но Витьке показалось, что они давным-давно близко знакомы. Жизнь опрокидывала прежние телефонные представления. Фантомас снял маску, и под ней оказался нормальный парень. Даже симпатичный. Выяснилось, что он отслужил в армии, в позапрошлом году демобилизовался и вернулся к себе на завод. Немного поработал, а потом его направили в ПТУ обучать разным заводским наукам и профессиям молодых ребят из Вьетнама.

Перед тем как уйти, Толя Плужников попросил поставить цветы-гвоздики в вазу, чтоб не завяли. Витька предложил бутылку из-под кефира. Толя сказал: «Блеск!» И ушел, велел передать Зое привет.

До самого вечера Витька бился в противоречиях, и хотя за день он переделал немало всяких дел — начиная со сбора металлолома и кончая уроками на завтра, — противоречия эти не отпускали его и мучили. Тысячи вопросов возникали в голове. Как тут разобраться? Не предательство ли совершил Витька, познакомившись с Толей? Как к этому отнесется сама Зоя? Не пошатнет ли Витькино своеволие их равноправия и взаимного доверия?

Сложно все это складывалось, настолько сложно, что Витька, сам того не ожидая, прилег на диван и заснул.

Такого с ним никогда прежде не случилось!

Витька открыл глаза, и ему понадобилось время, чтобы сориентироваться, где он и который час. Дверь из комнаты была приоткрыта, и он услышал приглушенные голоса матери и Зои. Они сидели на кухне, разговаривали, и Витька неумышленно, краем уха, задел этот секретный разговор.

— Прямо не знаю, что делать, тетя Лель, — говорила Зоя. — Выхожу из проходной, а он стоит и ждет. Я уж нарочно задерживаюсь на фабрике. Нет, все равно стоит и ждет!

— Да шугани ты его как следует, и дело с концом! — решительно предложила мама.

— Я, что ли, не шугала? Будьте здоровы, как шугала. А он ни в какую. Это, говорит, сильнее меня...

Витька понял, что цветы-гвоздики в бутылке из-под кефира выдали его с головой. Правда, никто ему слова не сказал — ни Зоя, ни мать. Приходил Этот? Приходил. От него цветы? От него. И все. А цветы-гвоздики даже переставили из бутылки в хрустальную вазочку.

Теперь к Витькиным противоречиям прибавились Зоины. Одни мучили его, другие ее, все запуталось, и размотать этот клубок Витька не мог.

Утром, завтракая наспех, Витька все же рассказал матери про Толю Плужникова. Зоин уже не было, и он вложил в слова об этом парне свое, в общем, положительное впечатление.

Ольга Ивановна пожала плечами:

— Насильно мил не будешь... Ладно, не твоего ума дело. Беги-ка в школу, не то опоздаешь! — И вдогонку: — Ключ, смотри, не потеряй!

Несколько дней спустя Александра Михайловна поймала Витьку Егорова на перемене и спросила:

— Ты так и не ответил на письмо Лены Измайловой?

Витька шмыгнул носом.

— Некрасиво, Егоров. Очень некрасиво. Не по-мужски.

— А чего писать-то? — буркнул Витька, задетый, однако, за живое.

— Это тебе не диктовка. Напиши про наш легендарный город. Она же просит, кажется?

Честно говоря, он почти позабыл про письмо, и безвестная Лена Измайлова вообще заслонилась прошедшими днями, наполненными всякой всячиной, но сейчас эта настырная девчонка, которую он и в глаза не видел, снова возникла на горизонте, но не как девчонка, пусть даже настырная и всякая такая, а как обязанность, которую Витька никогда на себя не брал, однако должен почему-то выполнять!

Почему?!

«Не по-мужски», — хмыкнул Витька, мысленно передразнив классную воспитательницу и в то же время принимая это ее замечание близко к сердцу. И решил махнуть на почту. После уроков, конечно.

Ничего с Леной Измайловой не сделается, подождет малость, потерпит!

На почте он выбрал красочную открытку с видом Ленинграда — Аничков мост, знаменитые лошади, Дворец пионеров. Чем не легендарный город? Потом долго сидел за вымазанным чернилами столом, соображая, что бы такое написать на обороте, и мусоля допотопную ручку с пером. Ничего в голову не приходило. На языке вертелось слово «достопримечательность», вроде бы уместное, но зато чреватое грамматическими ошибками. Выдавать свои слабости постороннему человеку как-то не хотелось. Тем более — девчонке. Муки творчества изнурили Витьку, заводили в тупик.

— А чего еще-то писать? Тут же и так все сказано! — подумал Витька. Пришлось к открытке купить вдобавок конверт. На конверте он вывел адрес Лены Измайловой, а чуть ниже, где и требовалось, — свой, обратный.

Красочная открытка с видом Ленинграда, так и не тронутая на обороте никаким рукописным словом, удобно вместились в конверт. На кончике языка Витька ощутил сладковатый привкус клея.

Опустив письмо в почтовый ящик, Витька испытал чувство громадного облегчения. Он словно бы заправился этим чувством, как самолет топливом, и буквально с реактивной скоростью покрыл расстояние от почты до своего девятого этажа, хотя лифт не работал, испортился, и старик Никитин ругался с кем-то из домовых конторы, стоя на пороге своей квартиры.

А Витька, стоя перед дверью своей квартиры, шарил по карманам, ища ключ. Ключа не было. Как в воду канул! Верней, не в воду, а в дырку — после тщательного обследования Витька обнаружил ее в самом уголке кармана.

Сомнений не было — ключ посеян!

Что же делать?

Мать сейчас где-нибудь около Харькова, Зоя на фабрике, и когда вернется — неизвестно: она нередко задерживается на репетициях во дворце культуры и вполне может прийти в полночь. На всякий случай Витька нажал кнопку звонка. За дверью послышалось такое знакомое: дззи-и-и-и-и-и-и. Витька прислушался к тишине пустой квартиры. Безнадюга. И медленно поплелся по ступенькам вниз.

Перспектива была не ахти какая веселая. Сегодня болтаться на улице до прихода Зои, может, до самой ночи. Завтра явиться в школу с невыполненными уроками. А послезавтра получить от матери встрепку за посеянный ключ.

Вообще-то, мама человек справедливый и зря не ругается. Витьке никогда особо не влетало за порванные штаны или вдрызг разбитые футболом ботинки. Мать просто разводила руками, горестно вздыхала: «Что ж ты со мной делаешь, разбойник? Где напасть на тебя барахла?» Но что касается ключа, то тут пощады от нее не жди. Ой будет лютовать!

Как только переехали сюда, ключ от квартиры стал для Витьки чистым наказанием. Куда бы ни шел Витька, вслед ему всегда неслошь одно и то же: смотри, не потеряй ключ, голову сниму! Когда возвращался, мать первым делом интересовалась, где ключ. Но хуже всего было то, что она заставила сына носить этот распроклятый ключ на веревочке, под рубашкой, нацепив на шею.

— Что я — верующий, что ли? — отбрыкивался Витька, но мать была неумолима, и ему пришлось позорно таскать ключ на груди, как крест. Хорошо еще, никто из ребят не знал!

Постепенно Витька добился отмены этого крепостного права, и ключ перекочевал в карман, как и положено у нормальных людей.

Но теперь в кармане была дырка, а ключа не было.

Что же все-таки делать?

Примерно с час Витька бессмысленно блуждал по микрорайону, старенький его портфель, разбухший от тетрадок и учебников, оттягивал руку, хотелось есть. От нечего делать он спрашивал у прохожих время, как будто самое главное сейчас было точно знать, который час. И вдруг мелькнула спасительная мысль! Вот

дурак, ходит тут, как неприкаянный, а надо мчаться к Зое на фабрику, перехватить ее у проходной, все как есть объяснить и — порядок, у нее-то ключ при себе!

Минут через сорок Витька выскочил из трамвая и побежал к зданию трикотажной фабрики.

Возле проходной, опершись на оградку, отделяющую тротуар от мостовой, стоял Толя Плужников. В той же куртке, тех же джинсах. Только вместо цветов в руках у него был маленький транзисторный приемник, который мурлыкал по-зарубежному.

— Здравствуй, — сказал Витька, подойдя к Толе Плужникову.

— Привет! — удивился он.

— Я ключ посеял, домой не попасть...

— Красота! — воскликнул Толя и, сунув Витьке транзистор, кинулся в проходную.

Вскоре он вернулся.

— Порядок, сейчас она выйдет, — сказал Толя и взял транзистор себе.

Ждать пришлось недолго. Зоя выбежала из проходной, поискала их глазами, но они сами подошли к ней. Зоя была в пальтишке, брошенном на плечи, под ним виднелся легкий пестренький халатик, голова повязана косынкой.

Весь разговор с Зоей Витька принял на себя, потому что на Толю Плужникова она и не взглянула. Отдала ключ от квартиры и все. Как будто Толя был тут совсем посторонний. Витька учуял в этом явную несправедливость и принялся объяснять Зое, как подошел к проходной и увидел Толю, как Толя помчался вызывать ее по местному телефону...

— Дома поговорим, — поставила точку Зоя. — Пока!

И улетучилась.

Витька и Толя переглянулись.

— Такие, брат, дела, — сказал Толя и закурил сигарету «Варна».

— Поехали к нам, — ни с того ни с сего брякнул Витька, крутя на пальце Зоин ключ.

— Стоит ли?

— Пельмени сварим...

— Тогда другой разговор, — не то в шутку, не то всерьез сказал Толя, и они двинулись к трамвайной остановке.

Пельмени получились на славу!

К той пачке, которую по пути купил Витька, как ему и было велено в оставленной матерью записке, Толя Плужников добавил свою, и, пока закипала вода в кастрюльке, они обшарили кухонный стол, достали бутылочку уксуса, горчицу, перец, чтобы из всего этого приготовить «отраву» — так Толя назвал смесь, необходимую для «остроты ощущений».

Витька в душе ликовал. Во всем они были с Толей наравне! Да и обед выглядел истинно мужским обедом: на столе расстелена газета, черный хлеб нарезан крупными ломтями, в тарелке гора пельменей, а «отрава» такая, что

обжигает рот и выдавливает слезы из глаз. Будто горчичник на язык ставят! Но Витька и виду не показывает: макает пельменину, отправляет в рот, заедает черным хлебом. Точь-точь как Толя Плужников!

А разговор-то, разговор!..

Толя рассказывает про то, как служил в армии, разные истории вспоминает, серьезные и смешные. Витька то поддакивает с понимающим видом, то заливается смехом. Время идет незаметно, Толя курит сигареты «Варна», табачный дым витает в кухне, бархатно звучит негромкий Толин басок.

И — ни слова о Зое!

Как будто все, что было до этих минут, — и телефонные звонки, и цветы-гвоздики, и дежурства у проходной, — все оказалось лишь предлогом, чтобы встретиться именно с ним, с Витькой Егоровым, а вовсе не с Зоей...

Толя встает из-за стола.

— Уже уходишь? — огорчается Витька. — Можно еще чайку попить, а?

— Спасибо, старик. Пора двигаться. Мне в училище надо...

Когда вернулась с работы Зоя, в кухне был полный порядок, Витька сидел за уроками.

— Кто курил? — с ходу спросила Зоя.

— Толик Плужников, вот кто! — с вызовом крикнул Витька, готовый прямо сейчас дать за него бой. — Мы с ним тут пельмени ели!

Но Зоя уклонилась от боя.

— Еще не легче, — только и сказала она.

В субботу, неожиданно для себя, Витька был приглашен к Феде Победимову на день рождения.

— Приходи, если хочешь, — сказал Федя. — Скучно не будет!

Витька пошел. Новый костюм надел, ботинки почистил. В подарок принес альбом для марок, но не угадал: Федя уже забросил марки, занялся плаванием. Родители записали его в бассейн, купили ласты, и он в них напоказ, под смех взрослых гостей, шлепал по лакированному паркету, потешно задирая ноги.

Взрослых в гостях у Феде оказалось больше, чем ребят. Именинник мыкался из комнаты в комнату, все время что-то жуя, а Витька сидел с каким-то рыжим очкариком за столом и молча поглощал лимонад. Стол для ребят был накрыт специально, в отдельной комнате. Было тут тесно от мебели и жарко. За столом сидели еще две девчонки, косились на Витьку, шептались, хихикали. И был совсем недомерок с бантом на макушке. Весь до ушей перемазался кремом, а когда его стали оттирать от стола, разорался благим матом.

Тоска была зеленая. Витька подливал себе в фужер лимонад, спрашивал очкарика:

— Тебе добавить?

Тот отвечал не то вежливо, не то испуганно:

— Большое спасибо.

Вот и весь разговор.

А за стеклянной дверью, у взрослых, веселье шло хоть куда: взрывы хохота, звон посуды, тосты, танцы-плясы. Иногда сквозь этот шум там прорезался и голос Феди.

Когда в очередной раз объявился сам виновник торжества, опять что-то жуя, Витька сказал ему:

— Я пошел.

Федя было запротестовал, стал уговаривать:

— Погоди, сейчас кино покрутим, папин фильм, когда мы в Пицунде отдыхали! Мы его обратно пустим, задом-наперед, обхохочешься, как я там из моря вынырываю!

— Нет, я пошел, — твердо повторил Витька и добавил, совсем как тот очкарик:

— Большое спасибо.

Вот так бездарно пропала суббота. Уж лучше бы остался дома сидеть у телика — и то пользы больше.

А в воскресенье пришел ответ от Лены Измайловой.

Он был краток и звонок, как оплеуха.

«Не хочешь переписываться — и не надо, — писала Лена Измайлова. — А таких открыток у меня самой много, накупила в Ленинграде. Чем посылать Аничков мост, лучше бы проверил, есть там следы от осколков или нет. Мальчишки говорят, что есть, а я не заметила».

И все.

Даже без подписи!

Витьку просто взбесило такое нахальное письмо.

Ишь, какая нашлась! Чего ей вообще надо? Сама привязалась, никто не просил! И не о чем ему с ней переписываться!

А тут еще и мама — это она достала из ящика письмо, принесла снизу, нарочно положила на видном месте:

— От кого письмишко-то? — спрашивает.

— Ни от кого!

— Ай-яй-яй! Секрет, что ли?

Приходится объяснять наскоро, получается бестолково, слова рассыпаются, как горох. Выпаливая про все это и чем дальше, тем больше заводясь, Витька в темпе натягивает пальтишко, одна рука в рукаве, другая уже дверь открывает.

— Ты куда?

— Никуда! Гуля-ять! — кричит Витька на всю лестницу и ну считать вниз ступеньки, через одну, а то и через две махом.

Выскочил из подъезда, как ракета. Чья-то собачонка с визгом кинулась от него, поджав хвост...

Когда Витька оказался в трамвае и, нажав в кармане медяки, оставшиеся с покупки пельменей, оторвал у кассы билет, он понял, что едет на Невский, к Аничкову мосту,

смотреть, есть там следы от осколков или нет. И ведь не сам решил поехать — волна негодования понесла. Теперь волна откатилась, сделав свое дело, забросив Витьку в полупустой грохочущий вагон «девятки». И билет уже в руках — не пропадать же даром трем копейкам.

На Невском непривычно пустынно. Выходной, все магазины закрыты. Октябрьское прохладное солнце переманило прохожих на одну сторону проспекта, другая — в тени — почти безлюдная.

Вот и Аничков мост. Вода в Фонтанке темная, гладкая, ленивая. Четыре скульптуры на месте. Такие они привычные, что другой раз проходишь мимо и не замечаешь. Сильный человек укрощает коня. Сперва — конь на дыбы, а человек лежит. Под конец — конь покорный, сдался человеку.

Витька внимательно осматривает гранит, на котором установлены знаменитые фигуры. В самом деле, на том камне, что ближе всего к Дворцу пионеров, следы от осколков. Видно, недалеко взорвался снаряд, и по граниту так и брызнуло осколками. Витька тронул рукой холодный раненый камень. И сразу вспомнил мамино плечо — у нее там тоже вмятина от осколка. Ей было чуть меньше лет, чем сейчас Витьке, когда ее ранило. Мама пережила блокаду. Может, прямо вот здесь и ранило? Тем же снарядом? Хотя вряд ли...

Вот бы написать этой Ленке Измайловой про маму, про блокаду. Небось только понаслышке и знает про это, а Витька — сын как никак! Ему сразу вспомнились мамины рассказы про войну...

Но тут Витьку оттеснили иностранцы. Целая толпа, кто в чем, в длинных балахонах, в брюках, в темных очках, с аппаратами, сумками, патлатые, шумные, галдят по-своему, наперебой фотографируют, хохочут. А чего, спрашивается, смешного?

Витька пошел дальше. Напротив Гостиного двора оказалась почта. Витька поднялся наверх. В окошечке, где принимают телеграммы, купил обычную почтовую открытку. Без всякого красочного вида. Тут же, возле окошечка, надписал адрес Лены Измайловой, а на обороте одну только фразу: «Следы от осколков есть».

Своей подписи тоже не поставил.

И опустил открытку в почтовый ящик.

Приближались ноябрьские праздники.

Под конец четверти Витьку спрашивали почти на каждом уроке, и он приносил домой обычные свои «четверки» и «тройки». Ольга Ивановна относилась к этим оценкам с пониманием, не требовала от сына лезть из кожи ради «пятерок», но случавшиеся «двойки» — а они, не секрет, бывали — повергали ее в на-

стоящее горе. Уж лучше бы она ругала Витьку, лучше бы ремнем, чем так: сядет на табуретку и плачет, сморкается, подолом фартука слезы вытирает. Никаких сил не было видеть это. В такие дни Витька ожесточался на самого себя и сидел за учебниками, зубрил, решал задачки, отказываясь даже от телика.

Мама ходила по комнате на цыпочках...

От Лены Измайловой ничего больше не было. Да Витька и не ждал ничего. Охота была! Наверно, получив его открытку насчет следов от осколков, она поняла, с кем имеет дело, и больше не сунется к нему со своим дурацким характером.

Правда, убегая в школу и возвращаясь оттуда, Витька на всякий случай заглядывал в почтовый ящик, на котором значилось: «кв. 69».

Толя Плужников тоже исчез из поля зрения, а Зоя была всецело занята подготовкой к отчетному концерту художественной самодеятельности, допоздна пропадала на репетициях, и Витька почти не видел ее дома.

Отчетный концерт был назначен на второе ноября. Зоя принесла два билета во Дворец культуры, но мама все равно пойти не могла, так как в этот день уезжала.

Ради такого ответственного случая Зоя отпросилась с работы на весь день, с утра отсидела часа два в парикмахерской, прибежала домой с невероятной прической — золотые кренделя на голове! Просто не узнать Зою, совсем другая стала.

Красивая, как взаправдашняя артистка!

Зоя вертелась то перед зеркалом, то перед Ольгой Ивановной:

— Теть Лель, тетя Лель, ну как? Ничего, да? А если это?..

И снова носилась из комнаты в кухню, примеряла туфли к платью и платья к туфлям.

Притихший Витька сидел в сторонке и, шмыгая носом, восхищенно следил за ней.

На концерт они поехали загодя.

В фойе было пусто, Зоя сунула Витьке билет и тридцать копеек на мороженое, сказала «не скучай» и улетучилась.

С вафельным стаканчиком пломбира Витька бродил по фойе, читал афиши, разглядывал фотовыставку о лучших людях легкой промышленности. Одна фотография привлекла Витькино внимание. На ней вместе с другими девушками была Зоя. Подпись подтверждала это: слева направо шли какие-то посторонние фамилии, а среди них значилась Терехова. Витька шмыгнул носом. Не каждому придется сюда, на концерт, знатные люди доводятся соседями! Он горделиво посмотрел по сторонам, но мало кто обратил на него внимание: большинство толпилось у книжного развала и у буфетной стойки.

Витька доедал мороженое, как вдруг кто-то положил ему руку на плечо. Витька обернулся и увидел Толю Плужникова.

— И ты здесь? — радостно воскликнул Витька. — Зоя будет в концерте выступать!

— Спрашиваешь! — сказал Толя грустным баском.

— А тут ее фотография висит, на выставке, — сказал Витька и подвел его к стенду. — Вот она, гляди, третья слева!

— Точно! — сказал Толя и, воровато оглянувшись, без труда оторвал фотографию, оставив на стенде четыре кнопки.

— Вдруг заметят? — испугался Витька.

— Оправдаемся, — спокойно сказал Толя и спрятал фотографию во внутренний карман. — Ты где сидишь?

— В пятом ряду.

— Ладно, в антракте увидимся, — сказал Толя, потому что прозвенел звонок и все толпой направились в зал.

Отчетный концерт художественной самодеятельности проходил с необыкновенным успехом. После каждого номера в зале бурно хлопали, кричали «браво», а с балкона даже скандировали, как на стадионе: «Мо-лод-цы, мо-лод-цы!»

В антракте Витька, как ни старался, Толи Плужникова не нашел.

А Зоя выступала во втором отделении. Она пела в микрофон, позади нее стояли четверо парней в белых костюмах и играли на электрогитарах. Иногда они подпевали Зое — ба-да бу-да. Обе ее песни Витька знал наизубок, она их все время пела дома: жарит яичницу — поет, стирает в ванной — поет. Одна песня ему очень нравилась — колья ветер лавиной, и песня лавиной, тебе половину и мне половину. Это про настоящую мужскую дружбу, которую делили, как хлеб, пополам. Другая же была про любовь и про ручей, который впадает в Сетунь с крутой горы.

Зою Терехову никак не отпускали со сцены, и она стояла там счастливая, в блестящем платье, кланяясь всему залу. Витька что есть сил бил в ладоши, ерзая в кресле и вытягивая шею, и было у него такое чувство, будто Зоя всю эту шумную радость успеха делит с ним пополам — тебе половину и мне половину...

Домой Витька добирался один.

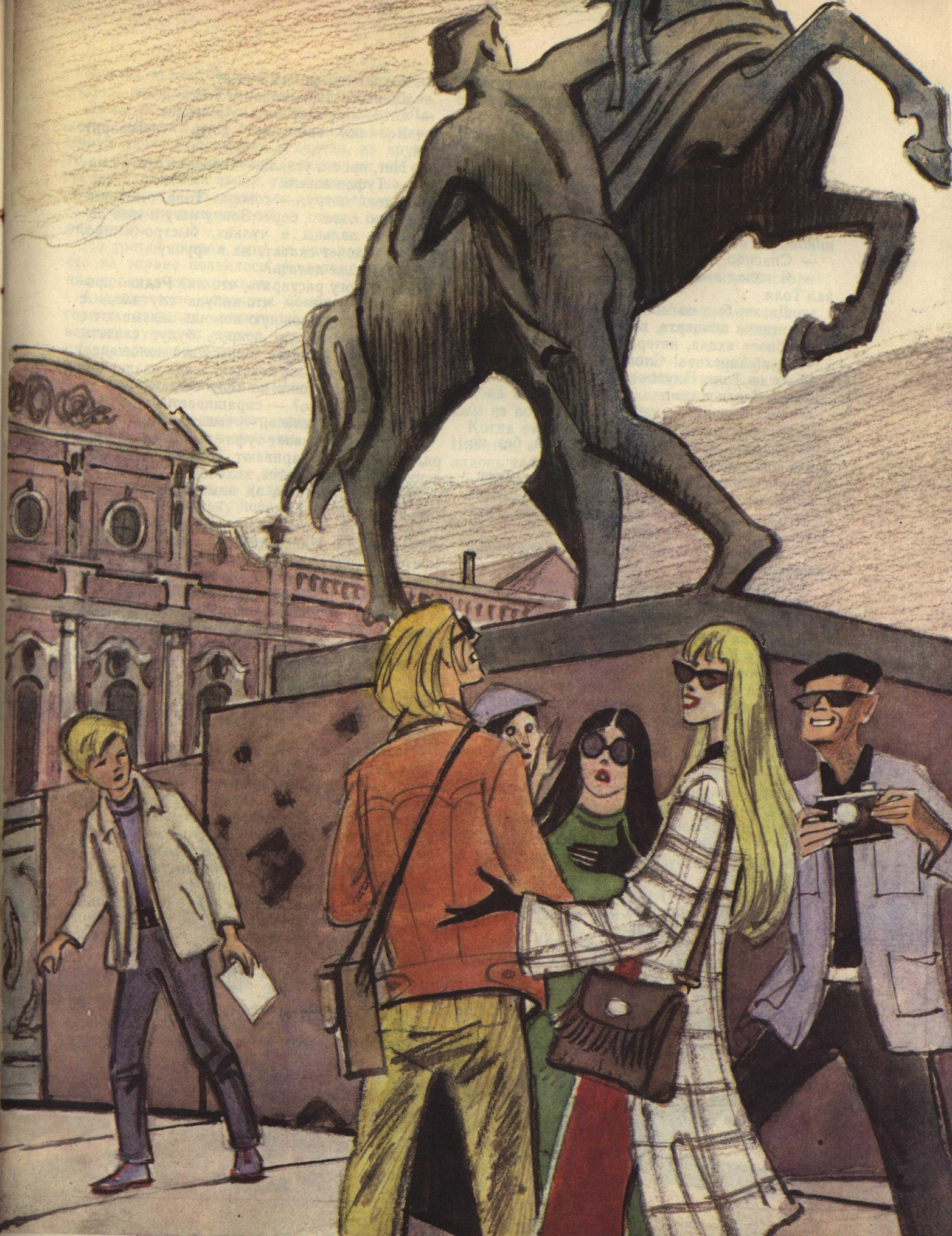
Он не сговорился с Зоей насчет обратного пути и не знал, ждать ее или не ждать. Постоял у выхода из Дворца культуры, пока не схлынул поток расходящихся по домам зрителей, но так никого и не увидел — ни Зои, ни Толи Плужникова.

Ничего не поделаешь.

Сел в трамвай и поехал...

А ровно через пять минут из Дворца культуры вышел Толя Плужников, остановился на том же самом месте, где только что стоял Витька, закурил сигарету «Варна» и стал ждать, поглядывая по сторонам.

Из маленькой неприметной двери с табличкой «Служебный вход» вышла шумная, ожив-

ленная компания. Это были участники концерта, в том числе четыре парня с зачехленными электрогитарами. Тут же была и Зоя Терехова. Все громко говорили наперебой, смеялись, пожимали друг другу руки.

Толя Плужников увидел Зою и позвал ее.

Зоя увидела Толю, смутилась, но все-таки подошла к нему.

— Ты хорошо пела, — сказал Толя Плужников.

— Спасибо, — сказала Зоя.

— Я видел вашего Витьку Егорова, — сказал Толя.

— Да, он был со мной, — сказала Зоя.

Участники концерта, все еще толпившиеся у служебного входа, нетерпеливо кричали:

— Зоя! Терехова! Сколько можно?

И тогда Толя Плужников сказал Зое:

— Не уходи с ними.

— Уже поздно, — сказала Зоя.

— Время детское, — сказал Толя.

— Витька, наверно, поехал домой без меня, — сказала Зоя.

— Не уходи с ними, — опять сказал Толя.

— Фантомас, — сказала Зоя и засмеялась.

Участники концерта махнули на Зою рукой и толпой двинулись к метро.

— Ты просто здорово пела! — радостно воскликнул Толя.

— Ладно уж, пошли, — кивнула Зоя.

И они вдвоем двинулись от метро.

По Кировскому проспекту.

А Витька в это время ехал на трамвае по проспекту Карла Маркса и смотрел в окно. Мимо проплывали темные кирпичные корпуса заводов и фабрик Выборгской стороны.

И вот тут возникает вопрос: что было бы, если б Витька все-таки дождался Зою или Толю Плужникова?

Картина была бы, наверно, такая: по Кировскому проспекту, малолюдному в этот поздний час, идут Зоя и Толя Плужников, а рядом... нет, не рядом — впереди... или, может быть, позади них?... словом, где-то сбоку Витька. Вроде бы и с ними вместе, и сам по себе. Руки в карманах, шаг небystрый, прогулочный, вразвалочку.

Идет себе, никому не мешает.

На Каменном острове Зоя сказала:

— Жутко ноги устали.

— Посидим, отдохнем, — сказал Толя.

Они сели на скамейку, Зоя скинула туфли, поболтала ногами, пальцами пошевелила.

— Замерзнут ноги, — сказал Толя.

— Не замерзнут, — сказала Зоя и засмеялась.

А Витька рядом стоит. Или не стоит, а ходит взад-вперед и ждет. Чего ждет? Неизвестно.

— Сколько километров отшагали? — спрашивает Зоя Толю.

— Ерунда, — говорит Толя.

— А времени сколько уже?

— Двенадцать, — говорит Толя.

— Ого! — думает Витька и зевает.

— Все-таки замерзнут ноги, — говорит Толя.

— Нет, просто устали, — говорит Зоя и смеется. — Туфли новые.

— Давай потру, — говорит Толя, становится на одно колено, берет Зоину ногу и трет ладонями ее пальцы в чулках, быстро-быстро, как будто хочет скатать их в трубку.

А что Витьке делать?

Другую ногу растирать, что ли? Редкие прохожие подумают — что-нибудь случилось с Зоей, они ей неотложную помощь оказывают с Толей, — соберутся вокруг, будут глазеть, советы всякие давать... Глупейшее положение!

И спать к тому же хочется, зевки раздирают рот, зябкие мурашки по телу бегают.

— Лучше стало? — спрашивает Толя.

— Заново родилась, — смеется Зоя.

Потом она надевает туфли, и они снова идут рядышком, разговаривают. Толя что-то ей объясняет, Зоя изумляется, хохочет.

А Витька плетется за ними, чувствуя себя совершенно лишним.

Очень это неприятное чувство — ощутить себя лишним. Никто тебе и слова не сказал, никто не гонит в шею. Они сами по себе, ты сам по себе. И все-таки — торчишь у них перед глазами и не знаешь, куда себя деть.

Так что хорошо получилось: Витька не дождался ни Зою, ни Толю и уехал домой один.

И даже не знает, что все у них было так, как и было, только без него, без Витьки.

С концерта он вернулся без четверти одиннадцать.

Нажал кнопку вызова лифта и стал ждать, пока кабина спустится на первый этаж. Вдруг приоткрылась дверь квартиры старика Никитина, и оттуда выглянул он сам, какой-то встрепанный, в полосатой пижаме.

— Полуночничаем? — строго спросил он.

— А что? — насторожился Витька.

Никитин задрал рукав пижамы, взглянул на часы и, причмокнув языком, поманил Витьку пальцем-крючком. Витька сразу почувствовал, что попался на этот крючок, как глупый ерш.

— А что я такого сделал? — затрепыхался он.

— Телевизор у вас есть?

— Есть, а что?

— Тогда скорей к вам! — заторопился Никитин, ощупал карманы пижамы, захлопнул дверь квартиры и, не дав Витьке опомниться, втащил его в кабину лифта.

Выяснилось, что у Никитина в самый неподходящий момент отказал телевизор, а передавали хоккей, «Спартак» — ЦСКА, последний период, счет 3:3.

Вот уж не знал Витька, что этот занудливый старик пенсионер такой заядлый болельщик.

Дома, не раздеваясь, Витька включил «Ладугу». Никитин сел у стола, из одного кармана вынул пачку «Беломора» и спички, из другого — баночку с валидолом, нацепил на нос очки и уставился на экран, где с минуты на минуту должно было появиться ледяное поле.

— Страсти накаляются! — сказал он, потеревав руки.

Но третий период еще не начался, потому что на экране появилось не ледяное поле, а иностранная кинохроника.

Американские самолеты бомбили Вьетнам, горели джунгли, зенитчики быстро-быстро вертели рукоятки пушек, наводя их на цель, падал, оставляя дымный хвост, сбитый самолет.

— Так им, гадам! Так им! — ерзал на табуретке Никитин.

Шла по улице демонстрация, волосатые, бородатые люди несли плакаты, что-то кричали, вскидывая руку.

— Что они могут? — говорил Никитин. — Митингуют, шумят, а надо — что? — он строго смотрел на Витьку поверх очков.

— Что? — смущался Витька.

— То-то же! Понимать надо! Теория без практики мертва.

Показывали современные западные моды.

— Делать им больше нечего! — сердился Никитин. — Заелись, вот и выпендриваются!

Витька с изумлением следил за стариком.

А когда начался третий период, Никитин и вовсе разошелся. Он вскакивал с места, кри-

чал, бухался бессильно на табуретку, хватался за голову.

— Выключи! — выпаливал он. — Выключи это зрелище! Мне противно смотреть!

Витька терялся, не зная, выключать телевизор или нет, но старик Никитин уже снова почти с головой влезал в экран, шараясь от него, всплескивал руками.

— Толя! — орал он. — Фирсыч! Врежь им, как ты умеешь! Ведь есть же порох в пороховницах!

Витька заражался буйной реакцией старика Никитина.

— А-а-а! — стонал пенсионер с отчаянием, когда шайба не влетала в ворота спартаковцев.

— Вы за кого болеете — за армейцев? — сунулся было Витька, но Никитин слепо взглянул на него и стал ожесточенно высасывать дым из погасшей папиросы.

Когда счет изменился в пользу «Спартака», Никитин в гробовом молчании вытряхнул на ладонь таблетку валидола и закинул ее в рот.

— Вам плохо? — испугался Витька.

— Хуже некуда, — подавленно сказал Никитин.

Армейцы проиграли.

Никитин сам выключил телевизор, рассовал по карманам очки, папиросы, валидол и спички и направился к двери.

— Ухожу с позором, — заявил он так, будто Витька был виноват в этом.

Очень неожиданный оказался старикан!

...Зоя пришла поздно. Не зажигая света, заглянула к Витьке:

— Ты спишь?

Ответа не последовало.

— Опять кто-то накурил, — сказала Зоя, пригнувшись к темноте.

И шепотом засмеялась.

А эта Ленка Измайлова все-таки ответила! Витька, еще не вскрыв, прощупал конверт, в котором было что-то жесткое, картонное.

Наверно, открытка с видом поселка, где она живет. Получила, наверно, Витькино послание с одной только фразой — «Следы от осколков есть» — и почувствовала свою вину. Теперь заглаживает. Подлизывается. Ох уж эти девчонки!..

В конверте оказалась ее фотокарточка. Вполне нормальное лицо. Темные волосы, гладко зачесанные и собранные сзади в «конский хвост». Веселые озорные глаза. Или по-

тому, что улыбается? На щеке родинка. Пионерский галстук, почти как бант.

Девчонка как девчонка.

Мало, что ли, таких на свете?

На обороте было написано:

«Это я. Спасибо, что разузнал насчет осколков. Пиши мне про все интересное. Лена Измайлова».

Витька еще раз посмотрел на фотокарточку.

И вдруг в голове у него мелькнула идея, рассмешила, погнала Витьку к столу, заставила перерывать весь ящик, битком набитый всяческой дребеденью.

Вот она!

Это была та самая фотокарточка, где Витька изображен с окладистой бородой и гусарскими усищами. То-то будет потеха, когда ей вручат сей портрет!

На другой стороне Витька начертал: «А это я. Будем знакомы, Витя Егоров».

И в тот же день, с тем же разудалым настроением, отправил этот свой «портрет» Лене Измайловой.

А на следующее утро, к великому изумлению, снова получил от нее весточку. Не ответ на Витькину бороду — рано еще, он еще впереди, а ярко-красную поздравительную открытку.

Когда он открыл ящик для писем и газет, из него, как разноцветный листопад, посыпались на пол праздничные открытки. Три штуки Зое, две маме и одна — вот эта, ярко-красная, с Кремлевской башней и знаменами. Лена писала: «Здравствуй, Витя. Поздравляю тебя с наступающим праздником Великого Октября. Желаю хороших отметок в четверти и вообще разных успехов. В этот день ты, наверно, пойдешь на демонстрацию на Дворцовую площадь. Как я тебе завидую! У нас демонстрации не бывает. Мы будем только смотреть ее по телевизору. Напиши мне, как ты проведешь праздник. Лена Измайлова».

Все это, честно говоря, огорошило Витьку. Переписка с Леной принимала серьезный оборот, а тут прямо заставила его призадуматься, поскрести затылок.

Прежде всего, она его поздравила с наступающим праздником, а он и пальцем не шевельнул. Даже в голову не пришло. Во-вторых, Витька не сообразил, что его бородатая физиономия появится там как раз на праздники, и вся эта затея выставит его в самом неподходящем виде. И наконец, ведь правда, что у них в небольшом поселке демонстраций не бывает, и Лена всерьез может завидовать Витьке, живущему в Ленинграде.

Надо было как-то исправляться.

Но — как?

Окончание следует

КОСЯ ТЕРКИН берет интервью

Председатель колхоза «Искра» Николай Михайлович Андрианов в большой дружбе с пионерами своего села.

ДАЙТЕ ТРУДНОЕ ДЕЛО

У колхозной доски почета.

О знатных людях колхоза «Искра» снят документальный фильм. Его любят смотреть и односельчане, и гости колхоза.

Пионерам есть у кого учиться коммунистическому отношению к труду! Более трехсот человек имеют звание почетного колхозника. Председатель Николай Михайлович семнадцать лет бессменно работает на своем посту и награжден орденом Ленина и орденом Трудового Красного Знамени.

КОСЯ ТЕРКИН прочел письмо Наташи и обрадовался:

— Повезло ребятам из колхоза «Искра»! Председатель колхоза с ними дружит. Надо съездить к председателю, поговорить.

И стал собираться в дорогу.

А письмо было от Наташи Лаврушиной из деревни Сергово Новгородской области и начиналось так:

«Вы ни за что не догадаетесь, где я живу. Я живу на берегу живописного озера Ильмень».

На другой день КОСЯ ТЕРКИН уже беседовал с Николаем Михайловичем Андриановым в его кабинете.

КОСЯ: Николай Михайлович, взрослые часто говорят,

что ребят не заставишь делать что-нибудь полезное. Мол, балуются да мяч гоняют. Верно это или нет?

Николай Михайлович: Смотря какое баловство. Если под баловством понимать игру, то здесь может быть большая польза.

Был у нас субботник. Сперва решили мы: пусть дети убирают школу. А потом подумали, — ребяташки и так всю неделю в школе, надоедает. Пришел я к ним и говорю: «Ребята, у медицинского пункта свалены дрова. Надо их распилить, а некому. Сами знаете, доктор Иван Андреевич людей лечит, должно быть в медпункте тепло... Попросил бы я вас, да ведь, наверное, не справитесь?» Они кричат: «Как это не справимся?» День работали, а вечером смотрю — все дрова распилены. Сто кубометров.

КОСтя: Николай Михайлович, а ведь это вы их поддразнили.

Колхозный клуб — просторный, гостеприимный. Именно здесь мне рассказывали об искровских колхозных рыбаках. Отважные и трудолюбивые это люди.

...Дружбу с лучшими людьми колхоза пионеры ценят. В день 50-летия пионерской организации председатель колхоза и главный агроном приняты в почетные пионеры.

Ребята тоже говорят друг другу: «Слабо тебе с крыши сарая прыгнуть!», поддразнивают.

Николай Михайлович: Что ж, конечно, поддразнил. Но видишь, **КОСтя**, чтобы с сарая прыгнуть, особых трудов не надо. Взял себя в руки, решился и прыгнул. А тут целый день работы, да и не очень-то легкой. Так что главное — не в том, что я поддразнил.

КОСтя: А в чем?

Николай Михайлович: Вот я тоже думаю — в чем? У нас ребята любят лодочные моторы чинить. Живем-то на громадном озере, у каждого лодка. Ну, а кататься на лодке с мотором — понятно, удовольствие. Но чинить? Тут и грязь, и масло, и бензин, и терпение нужно, и время идет — можно бы тот же мяч гонять. А чинят! Или еще — в прошлом году каждый опытный тракторист выбрал себе ученика. Работали в поле, учились. Некоторые ребята даже права вождения трактора получили. Саня Лучнин научился грузовую машину водить, а ему всего тринадцать лет. Дождется возраста, получит права, вот и шофер готовый.

КОСтя: Настоящие права на трактор! Да за это ребята хоть что сделают!

Николай Михайлович: Мы с нашими ребятами — всегда по-настоящему, всерьез. Ни одно общее колхозное собрание без них не проходит. Пускай привыкают, пускай знают все наши дела. А после собрания ребята дают концерт. И уж непременно сочинят частушки про передовых колхозников и про отстающих. Да с фамилиями. Взрослые мужики сидят и волнуются, — вдруг что смешное про них споют.

Недавно провожали мы пожилых колхозников на пенсию. Ребята сочинили песни и стихи. Так столько плаку было!

КОСтя: Интересное слово. Никогда раньше не слыхал... Самые занимательные истории и неожиданные словечки мне приходится слышать на заседаниях киноклуба в редакции

«Костра». Вот, например, совсем недавно я слышал такую историю.

Одна девочка, Ира Венчикова, училась в пятом классе. Ее взяли сниматься в кино. В картине «Найди меня, Леня!» играла она Алину, такую старательную девчонку. Все помогает по хозяйству, варит с мамой варенье, а потом моет и чистит большой медный таз.

Приехала киносъемочная группа в город Касимов, на Оке. Начали снимать эпизод с тазом. А у Иры ничего не выходит. Постановщик говорит: «Ты не волнуйся, Ира, представь себе, что ты дома. Встала пораньше и чистишь таз». А как Ире представить себе, если она дома никогда посуду не мыла? Все бабушка, а иногда папа.

И вот по ночам Ира тихонько бегала на Оку и там возилась с тазом. Терла, скребла, мыла. До тех пор, пока не получилось у нее на съемках все как надо. Потом бабушка удивлялась: «Ай да кино! Научило внучку посуду мыть».

Николай Михайлович: Занятная история. Я часто подумываю, как приохотить ребяташек к будущей их работе. Собрал я недавно мальчишек и говорю: «Вот что, ребята. Пока я еще в силе, работаю, но когда-нибудь и мне работа станет не по плечу. И хочу, чтобы председателем нашего колхоза стал человек свой, местный, что с самого детства знает и любит наши места. Кто из вас хочет учиться на председателя? Я все расскажу, покажу, везде с собой буду брать, буду, как говорится, «натаскивать». Потом пошлем в институт. И будет у нас хороший местный председатель. Как, Саша, хочешь?» А Саша мне: «Не, дядя Коля, не хочу. Вы все обязанности рассказывали, а удовольствие-то в чем от этой работы?» Я ему внушаю: «Эх, ты. Твой отец только что мотоцикл купил. Значит, было на что купить. Значит, неплохо живут колхозники, есть у них достаток. Разве это не удовольствие? Чтобы люди хоро-

шо жили, для этого никаких трудов не жаль. Словом, подумайте с недельку, а потом, кто надумает, приходите».

КОстя: И как, пришел кто-нибудь?

Николай Михайлович: Так ведь еще не миновала неделя. Жду.

КОстя: Дождетесь, Николай Михайлович. Обязательно.

Николай Михайлович: Помому, очень важно, чтобы поняли ребята, что в пустяке скрывается большое дело. Иду как-то по деревне, а малые ребята в классы играют. И поддают ногой, вместо камешка, бублик. Отобрал я у них бублик, собрал их вокруг себя; держу этот бублик и рассказываю. Какая зима была неудобная, бесснежная. Как трудно было сеять. Про подкормку рассказывал, про то, как ночами работали машины, чтобы быстрее убрать урожай, не потерять зерно. Про обмолот. И про то, как нелегко испечь хороший хлеб. Или хотя бы бублик.

Вспомнил, как тяжело было после войны: жали серпами, в

наклонку. Молотьба затягивалась до самой зимы. Сушилок и хранилищ у нас тогда не было, и сырое, непросушенное зерно приходилось ссыпать в амбарушки, а то и в избы. Сырое зерно лежать не может, нагревается, прееет. Ногам жарко, если босиком стоять на таком зерне. Пар, как в бане. Так и сушили в избах, ничего не поделаешь.

Рассказываю все про это, а сам на малых ребят поглядываю: дошло до них или нет? Вроде, слушают внимательно, ни один не шевельнется, головами крутят. Ну, думаю, хоть немного в душу западет, и то ладно. В другой раз, может, не станут играть бубликом. Будут хлеб уважать. Это уже дело немалое.

КОстя: Вашим ребятам повезло: и на собрание зовете, и учите всему. Не везде так хорошо к ребятам относятся. Бывает, что у взрослых один ответ: не путайтесь под ногами.

Николай Михайлович: Да, у нас ребят любят.

КОстя: Николай Михайлович,

а как вы все-таки думаете, почему ребята иной раз не хотят работать? Их просят, а они не хотят.

Николай Михайлович: Точно не скажу, случаи бывают разные. Но думаю — не предложили им настоящего дела. Трудного. Чтобы захватило не на день.

КОстя: Это в песне поется: «Дайте трудное дело!»

Николай Михайлович: Что ж, правильно поется. Вот такой пример: на празднике проводов зимы, бывает, шест ставят, а на самом верху шеста вешают гармонь, или часы, или сапоги. И вот лезет какой-нибудь парень на шест, и все его подбадривают, шумят, переживают за него. Почему? Потому что трудно. И если достанет он сапоги, то честь ему немалая. Не за сапоги, а за трудность. И я думаю, ребята прекрасно понимают, что интересно только там, где по-настоящему трудно.

КОстя: Спасибо, Николай Михайлович. «Костер» благодарит вас от всех ребят.

Фото Б. Черемисина

ВСПОМНИТСЯ ДЕТСТВО

Александр Жаров

Взрослым товарищам
возрастов разных
Вспомнится детство
в галстуках красных.
Миром надежд
оно было когда-то.

Было да сплыло,
ушло без возврата...
Нет!
Не исчезли
Надежды тех лет!..
В новых садах
развернулся расцвет.
Новую радостью
юность клокочет...
Взвейтесь кострами,
синие ночи!

РАССКАЗ

Рисунки Г. Ясинского

В первый день, когда мы с Генкой вошли в класс и сели за одну парту, все ребята стали таращить на нас глаза и перешептываться. Еще бы! Близнецы.

Но так было только в первые дни, потом к нам привыкли.

Только учителя никак не могли к нам привыкнуть. Они то и дело путали нас. Особенно близорукий учитель географии Владимир Иванович. Он смотрел на меня через очки в тонкой золотой оправе и уверенно говорил:

— Геннадий Родин, к доске.

Первое время, когда он ошибался, мы поправляли его. Но не будешь же все время поправлять учителя. Да и ребята смеются. Один раз я взял и промолчал. Владимир Иванович был очень доволен, что не ошибся, заулыбался и сказал:

— Вот видите, зрительная память у меня отличная.

Ребята в классе тоже почему-то не обратили внимания на ошибку, ну а мы не стали им под-сказывать.

Дошло до того, что Владимир Иванович вместо Генки поставил пятерку мне.

— Ну и пусть, — сказал Генка, — я себе всегда пятерку заработаю.

И правда, для Генки география все равно что для меня история или родная речь. География мне почему-то дается с трудом, и я учу ее через силу, поэтому пятерок по географии у меня никогда не было.

— Знаешь что? — предложил я Генке (мне хотелось чем-то отплатить ему за пятерку). — Давай я за тебя историю отвечу. Анна Александровна ведь тоже нас путает.

— Давай! — обрадовался Генка. — И вообще, я буду за тебя географию, а ты за меня историю. Идет?

— Идет! — согласился я.

И так это хорошо у нас пошло! «Юрий Родин», — вызывает Владимир Иванович, и Генка бодрым шагом идет к доске. А я сижу и с удовольствием слушаю, как «зарабатываю пятерку». «Геннадий Родин», — вызывает к доске Анна Александровна. Я смело иду отвечать за Генку. А он прямо сияет от удовольствия.

Ребята в классе стали догадываться, что мы с Генкой выручаем друг друга, но не будут же они выдавать товарищей. Ябедничать у нас не положено. Только однажды случилось такое, чего мы не ожидали. Нам и в голову не приходило, что Владимир Иванович запомнит, с какой стороны парты сижу я, а с какой Генка. А раз Генка все время отвечает за меня, Владимир Иванович считал, что Генка — это я.

Как обычно, после звонка, Владимир Иванович вошел в класс, удобно уселся за своим столом, откинул назад рукой волосы, — они все время свисают ему на глаза, — раскрыл журнал и вдруг ткнул пальцем в Генкину сторону.

— Ты Юрий Родин, — и разулыбался во весь рот.

— Я, — не задумываясь соврал Генка.

— Мог бы и не уточнять, — сказал Владимир Иванович, — память у меня железная. Иди к доске.

Генка так здорово отвечал урок, что довольная улыбка не сходила с лица Владимира Ивановича.

— Молодец! — похвалил он, когда Генка кончил, и добавил, обращаясь ко всему классу: — Не люблю захваливать, но хочется, чтобы остальные брали с него пример. Чувствуется, что Юра не ограничивается только учебником географии, а читает дополнительную литературу, поэтому материал знает великолепно. Садись, пять!

Генка от удовольствия покраснел. Я тоже. Но удовольствие мое тут же прошло. Владимир Иванович посмотрел на меня и сказал:

— А вот посмотрим, кто из братьев лучше знает географию. Иди, Геннадий, к доске.

Дорога к доске показалась мне очень длинной. Я чувствовал, как у меня горят уши, и не мог разжать рот.

— Да ты не волнуйся, — стал успокаивать меня Владимир Иванович. — Я вовсе не думаю, что ты хуже Юры знаешь мой предмет. Наоборот, я хочу, чтобы ребята послушали сегодня хорошие ответы. Вот после тебя я вызову Сироткину.

Сироткина, как услышала это, сразу же уткнулась носом в учебник. Я стал отвечать, но отвечал так плохо, что Владимир Иванович печально покачал головой.

— Что с тобой случилось? Так хорошо всегда знал предмет. Успокоился, наверное, понадеялся, что не спрошу? А я, брат, все насквозь вижу. Садись, двойка. — Он огорченно вздохнул. Генка подпрыгнул на парте и испуганно вытаращил глаза.

— Как двойка? — вырвалось у него.

— Так, — пожал плечами Владимир Иванович, — не могу же я делить твои знания на двоих. Займись с ним, Юра, с ленцой оказывается брат-то твой.

Генка низко опустил голову и прошептал:

— Не мог уж ответить. На двойку я бы и сам... Что я теперь скажу отцу?

Знать бы, что сказать дома! Ведь виноваты мы были оба. Если рассказать про географию, значит, и про историю нужно признаться.

Отец увидел двойку в Генкином дневнике и зацокал языком, как будто хлебнул, не подув, горячего-прегорячего чая.

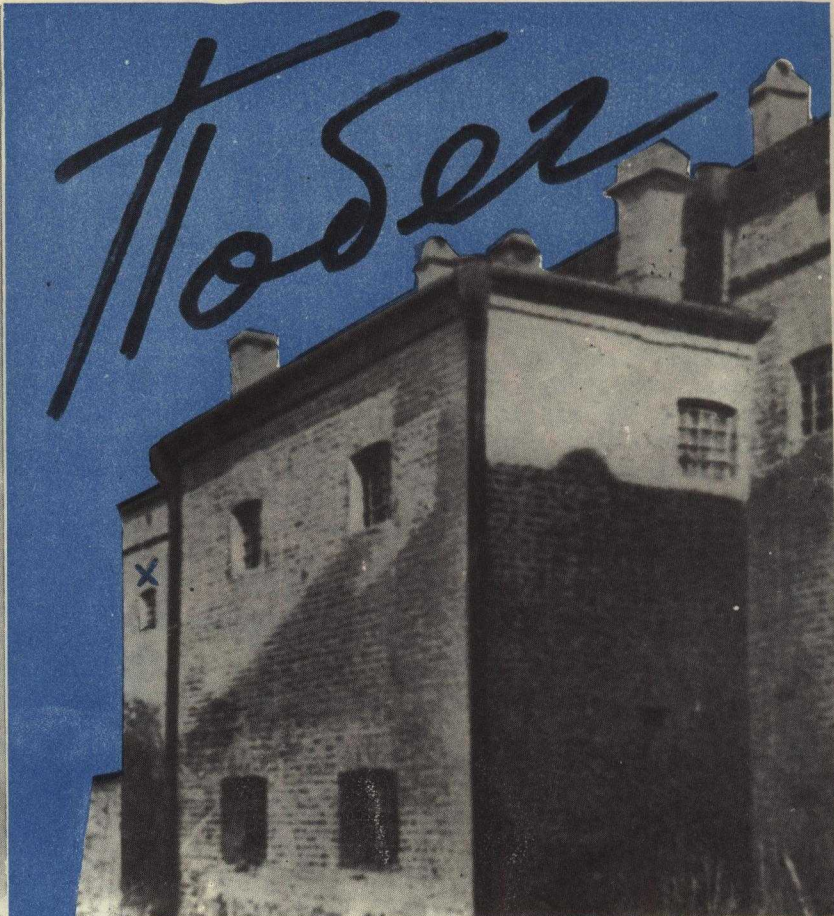
— Что же это такое?

И нам пришлось сознаться во всем.

— Да-а, — протянул отец, — вот это история с географией! Даю месяц сроку, чтобы все исправить. Умели обманывать, сумейте и честно отметки получать.

Теперь мы больше не разрешаем учителям путать нас. Охота была получать двойки.

ПО НЕПУБЛИКОВАВШИМСЯ АРХИВНЫМ ДОКУМЕНТАМ

Владимир Санов

В середине двадцатых чисел сентября 1909 г. из Департамента полиции ушла телеграмма:

ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ — ТИФЛИС:

«21 сентября через Лен-жинский переходной пункт выдан германскими властями известный вам Тер-Петросянц точка Начальнику Калишского жандармского управления телеграфировано доставлении Петросянца строгим конвоем Тифлис ваше распоряжение точка Распорядитесь принятием Петросянца исполнение телеграфируйте».

12 октября Петросянц прибыл в Тифлис. Его поместили в одиночке Метехского замка, закрыли на два замка.

Его ожидал военный суд. Военный суд означал смерть. Приговоры по столь тяжким преступлениям, какие вменялись в вину Тер-Петросянцу, неизменно кончались шестью словами — «приговаривается к смертной казни через повешение».

Но была здесь некая за-гвоздка. Некая сложность.

На первое же заседание суда Тер-Петросянц явился в таком состоянии, что всем находившимся в зале стало безусловно ясно: перед ними человек, страдающий... умственным расстройством.

Пришлось приостанавливать дело. И выносить решение о помещении Петросянца на испытание в психиатрическую лечебницу.

- Как вас звать?
- Семен Тер-Петресов.
- Как звать вашего отца?
- Семен Тер-Петресов.
- Сколько вам лет?
- Тридцать.
- Где вы родились?
- Не знаю где, я был везде и за границей.
- Что вы делали за границей, чем занимались?
- Имел фабрику автомобилей.
- Где вы родились?
- Не знаю, я везде был.
- В чем вас обвиняют?
- Я. основатель нескольких партий.

Обвиняли Петросянца не в том, что он был основателем

Начальник тюрьмы *Ж. Жис. 4*

Ножные кандалы, замки на дверях не удовлетворили тифлисскую полицию. Полицейские явились в отделение, тщательно проверили железные решетки на окнах, приняли «исключительные меры охраны»: учредили дневной пост во

«Вскоре Тер-Петресов открылся мне, что хочет бежать и скрыться за границу. Он и мне предложил поехать с ним за границу, обещал отвести меня там в ученье и вывести в люди...

Он при докторях и надзирателях вел себя иначе, чем без них: при них говорил бог знает что, а без них расуждал, как здоровый. Про то, что бывал за границей, он часто рассказывал при всех служителях. Со служителями и надзирателями играл часто в коридоре в карты, в дурачка; играл он осмысленно, так что иногда оставлял других дураками, не так, как другие больные, — сначала сидят играть, а потом изорвут карты.

Заручившись моим согласием бежать с ним, Тер-Петресов сказал мне, что когда я пойду в отпуск еще, то схожу к сестрам, Джаваире и Арусяк, и возьму у них пилки для распила решетки. Он даже говорил, что пилки должны быть английские, а я о таких пилках и понятия не имел.

...Тер-Петресов пилил на моем дежурстве, но иногда, как сам мне говорил, пилил и на дежурстве других. Чтобы не было заметно распиленное, он заклеивал эти места хлебом... Он и кандалы распилил на ногах, пропилил нижнее кольцо и скрепил проволокой. Проволока была от лимонадной бутылки. С пропиленными кандалами он ходил приблизительно неделю».

В рассказе Ивана Брагина подготовка к побегу выглядит буднично. Между тем она была сопряжена с огромным риском.

Брагин доставил Петросянцу четыре пачки тонких английских пилок. Побег был возможен из окна умывальной, к Куре. Чтобы распилить толстую решетку, Петросянцу пришлось встать на раковину и, удерживая равновесие, пилить приблизительно четыре—пять часов. Только в дежурства Брагина Петросянец мог работать почти в открытую. В остальные дежурства узник пилил лишь урывками.

Утром 14 августа 1911 года Петросянец дал Брагину еще одно письмо к сестрам и сказал, чтобы он сегодня же уехал в Кутаиси. Побег был назначен на следующий день.

Назавтра на правом берегу Куры, у Верийского моста, остановился рыжеволосый моло-

дой человек. Он вынул белый платок и взмахнул им. Петросянец видел сигнал, поданный боевиком Котэ Цинцадзе, и ждал его повторения. Но тут, как нарочно, на берегу Куры появился незнакомец с собакой. Он выкупал ее, а затем принялся дрессировать: бросал в воду и по берегу различные предметы, а собака приносила их.

Прошел час. Незнакомец не уходил. У Котэ даже мелькнула догадка, не подослан ли этот человек охранкой. Но откуда в охране могли знать о побеге? Надо еще подождать.

Только через три часа Котэ смог трижды взмахнуть платком.

Петросянец постучался. К двери подошел надзиратель Григорьев.

— Чего тебе?

— В уборную.

— Жданков, — крикнул Григорьев, — отоприте Петресова, проводи в клозет, да не забудь двери закрыть. Сейчас будем чай разносить.

...Петросянец, отогнув решетку, привязал к верхней перекладине веревку, скинул кандалы и связал их в узелок.

Затем он выбросил веревку и вылез из окна...

На середине спуска веревка оборвалась. Петросянец упал, но, к счастью, остался невредим.

Он быстро спустился к Куре, вошел в воду, бросил кандалы, перешел по броду к острову и, наконец, с помощью Котэ, поднялся на набережную.

Наняли извозчика, пересели на трамвай, потом пошли пешком. Где укрыться? Этот вопрос со всей остротой встал перед Петросянцем. Он нашел идеальное решение: спрятался в подвальном этаже полицейского управления Тифлиса.

Все дороги из города были перекрыты. Никто не мог выехать из Тифлиса, не подвергнувшись предварительно самой тщательной проверке. А «сумасшедший» в это время пре-

спокойно сидел в подвале того самого дома, откуда исходили приказы об обысках и арестах всех подозрительных лиц.

Каким-то образом из Тифлиса надо было выбираться. И вот на окраине, там, где городская улица переходила в Мцхетское шоссе, по утрам стала появляться группа велосипедистов. То были гимназисты и их барышни. Молодежь со смехом и шутками выскакивала на шоссе, где путь им преграждала стража:

— Назад! Дальше нельзя!

Молодые люди не возражали. Они покорно поворачивали назад и гурьбой возвращались в город.

Постепенно солдаты привыкли к ним, поэтому, когда кто-нибудь из молодых людей все же выскакивал за запретную черту, постовые лишь отечески журили их.

Однажды вместе с гимназистами появился учитель. Весело переговариваясь, пятеро велосипедистов, отделившись от группы, миновали пост и понеслись по шоссе. Постовые махнули рукой: скоро вернутся. Вернулись гимназисты, действительно, скоро, однако среди них не оказалось учителя.

Если бы постовым пришлось в голову снять с учителя парик, форму и восстановить прежний цвет усов — они, вероятно, без труда опознали бы в нем человека, карточку которого им показывали.

Это был Петросянец. На станции Мцхет он сел в поезд, идущий в Батум.

В Батуме Петросянец дождался первого парохода до Стамбула и с паспортом турецкого подданного, одетый под турка, отплыл «на родину». Разумеется, и тут ему помогали свои люди.

В октябре 1910 года в Париже в квартире Владимира Ильича раздался звонок. Дверь открыла Надежда Константиновна.

— Володя! — радостно сообщила она. — Камо!

БРАТСКИ ПОЗДРАВ ОТ БЪЛГАРИЯ

А. Якубенко

«Поздрав» по-болгарски привет. «Братски» и переводить не нужно. «От Бългaрия» тоже понятно.

Если в Болгарии говорить по-русски, не торопясь, тебя поймут даже дети. Нам же нетрудно понять болгарскую речь. Некоторые болгарские слова звучат для нашего уха точнее, чем русские. По-моему, «сладкарница» куда понятнее, чем «кондитерская».

В дни моего путешествия по Болгарии меня учили болгарскому языку дети. А разговаривать с ними мне приходилось частенько.

В Пловдиве к нашему автобусу подлетела стайка мальчи-

шек, позвякивая значками. Начался оживленный обмен. Только один мальчуган стоял в стороне. Я окликнул его:

— Разве ты не собираешь значки?

— Собираю. Но у меня с собой сейчас ничего нет, — ответил парнишка на правильном русском языке.

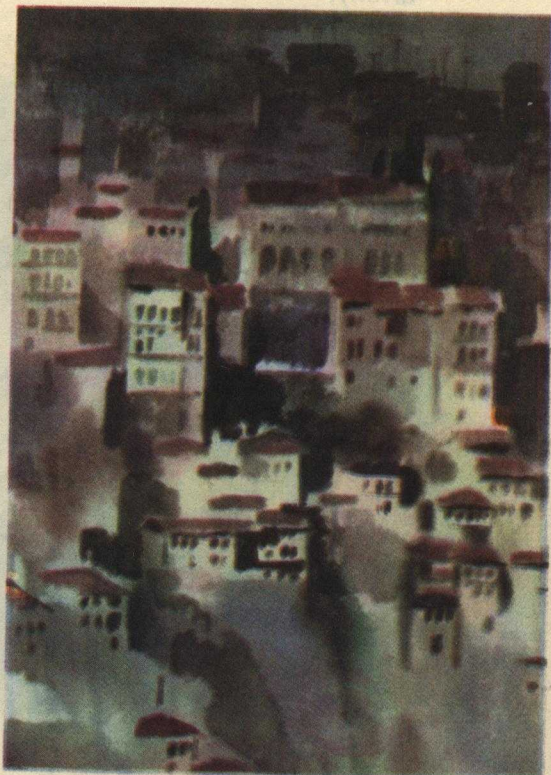
— А выпрашивать неловко... Верно? — спросил я.

— Конечно! — ответил мальчик и улыбнулся.

Я протянул новому знакомому календарик. — Бери, бери! — сказал я. — Это в знак дружбы! Нельзя отказываться! Откуда ты знаешь русский язык?

Путевые зарисовки, напечатанные здесь, сделаны ленинградским художником Владимиром Ветрогонским во время поездок в Болгарию.

— В школе учу. И дома у нас говорят по-русски. Отец часто приводит к нам русских друзей.

— Как тебя зовут?

— Атанас.

Мы разговорились с Атанасом. Он назвал почти все сказки Пушкина (он их читал), а также «Евгения Онегина» и «Бориса Годунова» (он их не читал).

— Неужели у вас это все в школе проходят? — спросил я.

— Многие — в школе, — ответил Атанас.

...Отец Атанаса, Стоян, в возрасте сына уже воевал, партизанил. Когда советские войска освободили Болгарию, он со своим отрядом спустился с Родопских гор и встречал наших воинов. С тех пор и повелась дружба с русскими.

— Кем ты хочешь быть? — спросил я мальчика.

— Мебельщиком, как отец! — ответил Атанас. — У отца всякое дерево поет!

На вершине холма в Пловдиве стоит величавый памятник советскому воину, освободителю Болгарии от фашизма. Болгары любовно называют его «Алешей».

Сияло нежаркое октябрьское солнце. Окраины Пловдива исчезали в дымке. А вот сады, площади и памятники были как на ладони. Река Марица спокойно несла свои воды, разделяя город на две части.

Я спросил Атанаса:

— Почему вы зовете этот памятник Алешей?

— У болгар нет такого имени! — ответил мальчик. — Есть такие, как у вас. — Иван, Василий, Георги, Никола, Петр. А вот Алеши нет. Это настоящее русское имя...

У болгарского народа любовь к России и Советскому Союзу — добрая традиция. И глубокие старики, и маленькие дети знают, какую роль сыграла Советская Армия в освобождении Болгарии от фашистского ига.

Запомнилась и другая встреча с болгарскими ребятами.

В пять часов вечера наш автобус остановился в поле, где крестьяне убирали урожай. Пламенели горы собранных стручков сладкого перца. Среди работавших было много ребятшек школьного возраста. Работали весело.

Мы угостили ребят конфетами. Они нас — перцем и помидорами. Ребята спели веселую детскую песенку. Черный, как жук, мальчуган лет девяти бойко отплясывал под эту песню. Никто из детей не ломался, не говорил, что не умеет петь или танцевать...

За день до отъезда мне довелось побывать в Софийском Доме литературы и искусства для детей. Я познакомился там с Асеном Босевым, известным болгарским поэтом. Он пишет для детей жизнерадостные, бодрые стихи. Сборники его стихов в русском переводе есть во всех наших школьных библиотеках.

Асен Босев искренне любит юных читателей, часто встречается с ними. Добрая, немного лукавая улыбка поэта, его сердечная манера говорить по-русски располагают к нему с первого взгляда.

Расставаясь, я попросил Босева написать несколько слов советским ребятам. И вот они, эти строчки, не требующие перевода. За исключением, может быть, слова «деца», что по-болгарски означает — «дети»:

Поздрав от сердца, другари,
ленишки деца безгет.
Братски поздрав от България,
с росен български букет!

Асбосев

тайну добывания огня. Он попросил, чтобы Великий Дух дал людям дерево, которое бы горело даже в воде. Гичи-Маниту создал березу. Попросил еще воин создать такое дерево, что могло бы гореть ясным огнем без дыма, и чтобы оно долгими зимними ночами приносило радость людям в шатрах. Маниту махнул рукой, и в чаще выросли тополи.

— Теперь ты понимаешь, как мы научились разжигать костры и почему женщинам нельзя вмешиваться в мужские дела?

— Если бы я был сиротой, Сат, я бы охотно остался у вас навсегда.

— Ты бы нашел названных родителей и никогда бы в жизни не почувствовал, что ты не их сын. Все племя считало бы тебя своим.

— Мне грустно думать о дне, когда я должен буду проститься с вашим гостеприимным селением. Ты так пришелся мне по сердцу, что я люблю тебя как родного брата.

— Мое сердце тоже погрузится во тьму, когда мой брат ступит на восточную тропу, но каждый год в месяц Больших Слез я буду ждать моего брата у подножья Красных Скал.

— Мы возьмем тебя, брат, и Неистовую Рысь в наш город, чтобы вы познакомились с жизнью белых. Наши родители будут вам бесконечно благодарны за спасение нашей жизни, — сказал Антачи.

Но как ни желали мы задержать отъезд юношей, день расставания неумолимо приближался. Ночи становились все холоднее, утром мы иногда замечали на траве седой иней.

Белые юноши за это время стали похожими на нас. Их старую изорванную одежду сожгли, моя сестра и Тинглит сшили им штаны из шкуры лося, волчьи куртки, украшенные чудесной вышивкой, и высокие мокасины. Теперь, если бы не их светлые глаза и волосы, в этих юношах никто посторонний не узнал бы белых.

Однажды в наш шатер пришел отец, сел у огня, закурил трубку, сделал несколько затяжек и только тогда заговорил:

— Я разговаривал с Горькой Ягодой. Он сказал мне, что через пять дней нас посетит Кей-вей-кеен. Наступят морозы...

И, задумавшись, замолчал. А может, быть, просто хотел, чтобы мы сами поняли его.

Я хорошо понял отца: пришел день разлуки.

Отец снова заговорил:

— Ваши сердца соединились, чтобы вечно биться в одном ритме. Тропы ваши разойдутся, но в будущем они опять сойдутся в одной общей дороге к солнцу и радости. Кони будут ждать вас завтра. Мой сын, — отец показал на меня, — и Неистовая Рысь проводят вас. Выходя из шатра, отец обернулся и добавил:

— На следующий год мы ждем к себе белых друзей. Когда он ушел, мы молча посмотрели друг на друга, стараясь не выдать нашей грусти: нам хотелось оставить о себе светлые и счастливые воспоминания.

Еще одну ночь осталось нам побыть вместе, в одном шатре, перед тяжелой дорогой. Но сон не приходил. Только ветер ударял в шкуры шатра, монотонно свистел и плакал, как бы жалея нас. Мы лежали рядом, и я молчал, не хотел нарушать молчание обычными словами. Ночью души разговаривают друг с другом и лучше понимают друг друга.

Без сна встретили утро.

Когда мы вышли из шатра, мать уже ожидала нас. Она подошла к белым и прижала к себе их светлые головы. Она молчала, но ее заплаканные глаза говорили обо всем. В такие минуты не нужно слов.

Подожел Танто, ведя снаряженных в далекий путь мустангов. Вскоре собралось все селение, пришли даже матери с младенцами на руках.

Казалось, что никогда еще не было такой тишины. Впервые мы узнали белых с другой стороны — светлой и хорошей.

Когда мы сели на коней, зазвучали бубны, их глухой рокот еще долго потом сопровождал нас в чаще. А люди молча провожали нас взглядами, пока мы не скрылись за деревьями.

Иногда из-за густых ветвей за нами следили глаза рыси. С деревьев, обросших мхом, зеленые пряди опускались на землю. У иных деревьев стволы были покрыты грибами, большими, как щит воина.

Мы ехали молча. Прощальный день затворил нам уста. Может, это и лучше: болтливость недостойна мужчин.

Впереди, как обычно, бежал Тауга, он тоже прово-

жал своих новых друзей. И, казалось, тоже чувствовал важность минуты — бежал молча, с опущенным хвостом.

На четвертый день мы достигли взгорья Трех Сосен. В небе огромным красным щитом всходило солнце. Отсюда белым юношам оставался лишь один день пути домой. Мы остановили коней и пытались улыбнуться друг другу.

— Солнце всходит, приветствуя вас. Будьте здоровы, белые братья, — с усилием произнес я эти слова.

Антачи подъехал ко мне, и мы крепко обнялись, на глазах у него были слезы. Потом мы обнялись с Заханом, и он повторил мне тоже сквозь слезы:

— Au revoir, au revoir, mes chers camarades! Comme c'est dur de vous quitter, car partir c'est un peu mourir!

* — До свидания, до свидания, мои дорогие друзья! Как тяжело расставаться с вами — расставание похоже на смерть!

Я не понимал его, но догадывался, что Захану тоже грустно с нами расставаться.

Так же попрощались они с Неистойой Рысью, с его сжатых губ не слетело ни единого слова. Затем белые резко повернули коней и направили их в сторону долины, но еще долго оглядывались и махали нам руками.

Я и Неистовая Рысь застыли на месте и молча смотрели на удаляющихся друзей.

Тауга не знал, что делать: сперва он побежал за белыми, затем вернулся к нам, и в конце концов сел на вершине холма и завыл протяжно и глухо.

Перед тем как скрыться в лесу, юноши еще раз обернулись, и Антачи крикнул:

— На следующий год поедем вместе с вами! Прощайте-е-е!

Солнце поднималось все выше и выше, обнимая нас теплыми лучами.

Перевел с польского
Юрий Стадниченко

Геннадий Алексеев

Дождь на Дворцовой площади

Асфальт, —
когда дождь, —
он скользкий.

Туристы, —
когда дождь, —
они не вылезают из автобусов.

Милиционер, —
когда дождь, —
он прячется под арку.

И Александровская колонна, —
Когда дождь, —
она никуда не прячется.

Ей приятно
постоять на Дворцовой площади
под дождем.

Заботливый

У меня много забот.
Надо позаботиться о Фонтанке,
чтобы она текла, куда следует.
Надо позаботиться об облаках,
чтобы они плыли своей дорогой
и не торчали на одном месте.
Надо позаботиться о кошках,
чтобы они не попадали под
машины,
когда перебегают улицу.

Надо позаботиться, чтобы статуи
не бродили ночью по Летнему саду,
потому что они могут перепутать
свои пьедесталы.

Забот полон рот.
А мне говорят,
что я живу беззаботной жизнью.

Парта Алоизаса пустовала.

— Куда он делся? — спросила учительница.

Ребята молчали. Никто не знал, что случилось с Алоизасом. Вот уже который день его нет в классе.

— Арунас!

Арунас встал. Он сидит за одной партой с Алоизасом, кому же и знать, как не ему.

— Почему Алоизас не ходит в школу? Может, заболел?

— Нет, он здоров, — ответил Арунас. — Я его вчера видел у киоска. Он показал мне кулак.

— Он тебе грозил? — удивилась учительница. — Вы же, кажется, друзья?

— На той неделе я не дал списать арифметику, и он рассердился. Сказал, теперь мне будет худо.

Арунас опустил голову. Это не шутка, если Алоизас станет ему врагом. Алоизаса боится весь класс, он сильнее самого Арунаса, а остальные даже не пытались меряться с ним силами. Алоизас может щелкнуть по носу кого угодно. Он, наверно, думает, что все должны ему повиноваться, как какому-нибудь знаменитому полководцу. Раз Алоизас показал кулак, добра не жди!

— И еще он сказал, что больше не пойдет в школу... — добавил Арунас.

— Садись, — сказала учительница. — Я сама с ним поговорю.

Тревожные догадки вскоре подтвердились.

На углу улицы стояли два киоска. В одном продавали книги, тетради, авторучки и прочие товары для школьников, а в другом толстая краснощекая тетка торговала конфетами и пряниками.

На перемене Рита-сладкоежка побежала за тянучками. И тут же, через какую-нибудь минуту, на улице раздался отчаянный крик. А вслед затем появилась и перепуганная Рита.

По ее лицу ручьями текли слезы.

— Что случилось? — окружили ее ребята.

Рита не могла говорить, только всхлипывала. Наконец, немного успокоившись, она принялась рассказывать:

— Купила я сто граммов тянучек. Они ужасно вкусные! А за киоском спрятался Алоизас. И как на меня прыгнет!.. Отдай конфеты, говорит. Я ему язык показала и — бежать! А он меня догнал... руку заломил... и конфеты отобрал... Как ему только не стыдно!..

Рита снова заплакала.

— Я же говорила, что Алоизас — страшный человек! — сказала ее подруга Живиле, маленькая веснушчатая девочка, хотя на самом деле она ничего не говорила.

Весть быстро облетела класс. Никто не ожи-

дал такого от Алоизаса. Все терялись в догадках. Что это ему в голову взбрело?! Сошлись на том, что Алоизас просто дурачится.

Но на следующей перемене класс был потрясен новым происшествием. Тадас, который на первой парте сидит, покупал в киоске карандаши. Алоизас напал на него и отнял деньги, все до единой копейки!

Тадас рассказал и более странные вещи. Оказывается, Алоизас называет себя разбойником! И говорит, что не уйдет оттуда, пока не заставит трепетать все окрестности — чтобы все его слушались.

Живиле испуганно заморгала белесыми ресницами.

— Так и сказал?

— Буду я врать! — надулся Тадас. — А девочкам Алоизас косы обрежет...

— А обо мне не говорил? — не выдержал Арунас.

Тадас подумал, как бы тут напугать Арунаса.

— Сказал, что запрещает ходить мимо киоска, а то без ушей останешься.

Арунас обиделся:

— Еще посмотрим, кто останется без ушей. Пусть не воображает!

Арунас сказал эти слова громко, чтобы слышали все. Пусть не думают, что он боится Алоизаса. Не такой человек Арунас. Он еще ни разу не дрожал от страха, разве что когда на него напал соседский охотничий пес.

Уроки кончились. Арунас был смелым человеком, но сейчас чувствовал себя довольно неуверенно. Его заедали сомнения. Мимо киоска пойдешь — тут как тут Алоизас. На другую улицу свернешь — девочки обзовут трусом.

Наконец он решил идти мимо киоска. Будь что будет, но Алоизасу он спуска не даст!

Арунас сложил книги в портфель и, насвистывая для храбрости, направился к киоску. Его глаза напряженно смотрели вперед, а уши ловили каждый подозрительный шорох. В любую минуту на него мог напасть Алоизас.

Арунас знал, что из щелей забора, за которым спрятался весь класс, за ним следят любопытные глаза.

Тадас, взобравшись на забор, крикнул:

— А ты не бойся! Не такой он и сильный! — и тут же спрятался.

У киоска никого не было. Арунас перевел дух, он уже надеялся, что удастся избежать сражения.

Но он ошибся.

Из-за угла показался Алоизас. Он приближался к Арунасу, заложив руки в карманы длинных, спадающих штанов, и изредка сплевывал через плечо...

У Арунаса подкосились ноги. Он остановился и принялся ждать.

Алоизас подошел ближе.

— Я велел передать, что запрещаю тебе тут ходить! — в голосе Алоизаса слышалась угроза.

— А я хочу и буду ходить! — Арунас пристынулся.

— Вот как... — Алоизас подошел поближе. — Ладно, сейчас как дам в рожу...

Арунас стиснул кулаки:

— Думаешь, боюсь? Только сунься!

— Вот храбрец! — восхищенно зашептала Рита-сладкоежка своей подруге Живиле. Они стояли, прижавшись носами к забору, и слушали мужской разговор.

В этот миг Алоизас схватил Арунаса за шиворот, Арунас ткнул кулаком Алоизасу в живот, и они сцепились.

Алоизас знал всякие штучки. Он дал подножку и попытался повалить Арунаса. Но Арунас тоже был не лыком шит и не двинулся с места. И тут Алоизас поскользнулся на арбузной корке, и противники упали. Они барахтались в дорожной пыли.

Ребята были уверены, что победа на стороне Арунаса.

— Вот это да! Вот это да! — хлопала в ладоши Рита-сладкоежка, прыгая от радости.

Тадас снова взобрался на забор и завопил: — Так ему и надо! Всыпь ему, Арунас!

Но Алоизас вдруг извернулся, оказался наверху и так зажал Арунаса, что тот пальцем не мог двинуть и только сердито сопел. Алоизас преболно схватил его за ухо. От отчаяния Арунас скрипел зубами и пыхтел. Он был побежден.

Рита приуныла. Тадас с разинутым ртом так и остался торчать на заборе.

В это время мимо шел милиционер. Он наклонился к драчунам, сгреб одной рукой Алоизаса и поставил его на тротуар.

— Кто тебе позволил драться? — загремел милиционер, придерживая Алоизаса за рукав.

— Он — разбойник! — закричал Тадас.

— Жуткий разбойник! — завизжала Рита. И шепнула своей подруге Живиле: — Теперь Алоизаса под суд отдадут!

Тадас усмехнулся.

— Дуреха! Он же еще маленький.

— Ничего, что маленький, — сказал милиционер. — Преступление должно быть наказано!

Алоизас перепугался. Вдруг милиционер говорит правду? Тогда ему худо придется.

— Значит, ты — разбойник? — спросил милиционер.

— Я... нет... я... так...

— Все равно, пройдемте.

Алоизас захныкал. Нет, никакой он не разбойник. Он так, играет...

Милиционер, наверное, сжалился над Алоизасом и оставил его в покое. Только сказал, уходя:

— Смотри у меня, чтоб впредь это не повторилось!

Ребята захохотали над Алоизасом. Приятно было смотреть, как он ревет! Рита-сладкоежка даже расхрабрилась и показала ему язык.

Алоизас подтянул штаны и крикнул:

— Ну, теперь-то вам жизни не будет! А Арунасу нос расквашу! Ябеды!

И исчез за углом.

Ребята разошлись по домам.

Арунасу никак не удавалось приготовить уроки. Все перепуталось у него в голове: то всплывает перед глазами грозное лицо Алоизаса, то визжит во дворе черная соседская свинья, которую он как-то обстрелял из рогатки и схлопотал за это по шее. Весь вечер просидел за книгами и не выучил ни строчки. Может, и не стоило заводитьсь с Алоизасом?..

Алоизас же не унимался. На другой день он отобрал у одной девочки бублик. Узнав про это, Арунас созвал в дальний угол класса мальчишек. Они долго о чем-то шептались. О чем именно, Рита-сладкоежка не знала. Она подкралась поближе, но не успела услышать ни одного словечка, как мальчишки ее прогнали.

На уроке географии Рита сказала учительнице, что крокодилы водятся на Южном полюсе. Только чудо спасло ее от двойки.

После уроков Арунас привычной дорогой направился домой. Как и в тот раз, у киоска его поджидал Алоизас. Он встал поперек дороги.

— Дай пройти! — крикнул Арунас.

— Не дам!

— Дай, говорю! А то хуже будет.

— Пугай других, не меня. Я никого не боюсь, понятно? Я — последний потомок страшных разбойников...

Услышав слова Алоизаса, мальчики захотали. Они вдесятером сидели на заборе и, кажется, с нетерпением чего-то ждали.

— У Алоизаса винтика не хватает! — пискнула Рита-сладкоежка.

Алоизас кинул на нее злобный взгляд. Вот как, над ним смеют издеваться! Сейчас он им покажет!

Алоизас кинулся на Арунаса. Но он даже замахнуться не успел, как мальчишки посыпались с забора, схватили его и заломили руки за спину. Алоизас отбивался ногами, вырывался, кипятился. Все напрасно! Он был пойман.

— Сейчас мы тебя проучим, — сказал Арунас.

Он первым дал Алоизасу щелчка. Потом по очереди подходили другие мальчишки и тоже щелкали его по носу. Такое унижение Алоизасу даже не снилось. Это был какой-то кошмар. Даже Рита-сладкоежка и та щелкнула его по носу. А он ничего не мог ей сделать, его держали несколько ребят. Он и не думал раньше, что весь класс сообща может пойти на него. Алоизас от души пожалел себя. Его нос покраснел и распух. Ему пришлось крепко прикусить губу, чтоб не расплакаться.

Друзья сжалились над Алоизасом. Первой заколебалась Рита-сладкоежка. Пожалуй, наказание слишком жестокое. Ведь Алоизас, в сущности, не конченный человек. С Ритой согласились и другие. Тогда Арунас надел на Алоизаса упавшую фуражку и спросил:

— Будешь разбойником или нет?

Алоизас тихонько всхлипнул:

— Да никакой я не разбойник... Я — Алоизас...

Его отпустили, и он проворно скрылся за киоском.

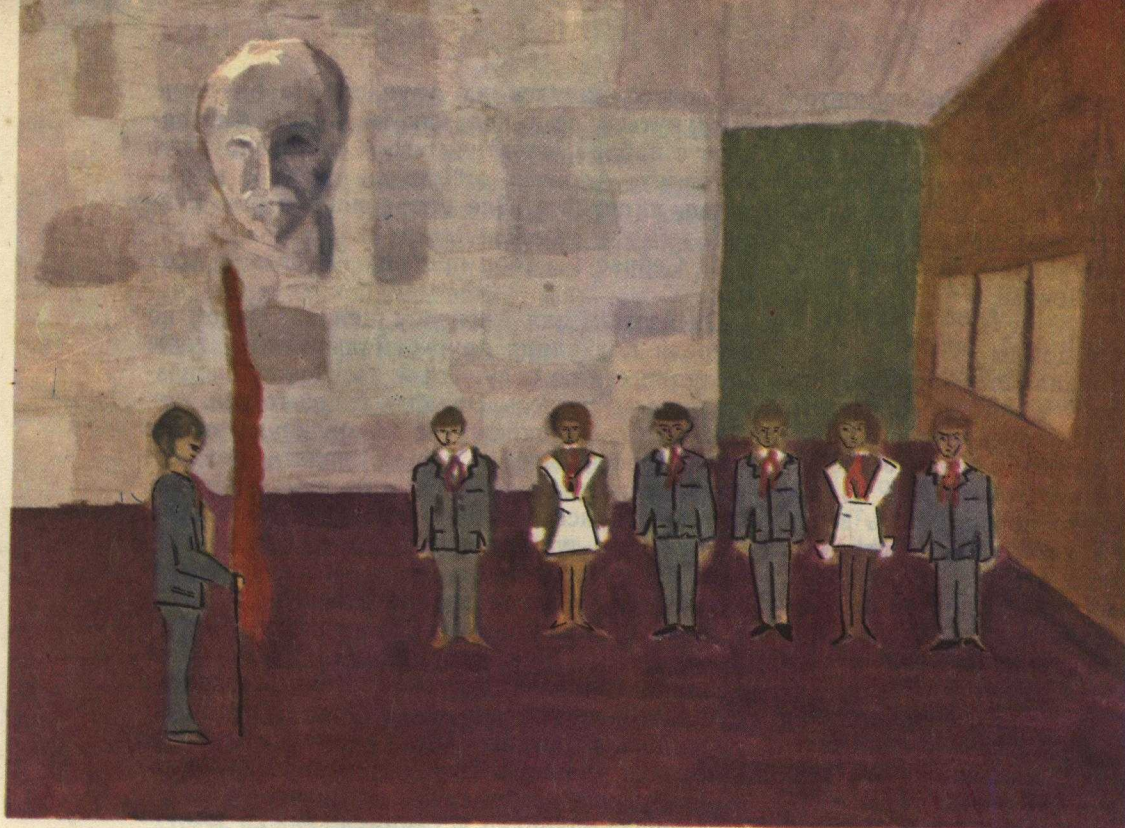
Так кончилась история с Алоизасом. Был, кажется, урок арифметики, когда кто-то робко постучался в дверь. Дверь открылась. За ней стоял Алоизас.

— Входи, — сказала учительница. — Чего же ты боишься? Живо садись на свое место!

Алоизас послушно сел за парту рядом с Арунасом. Дети повернулись к нему — что-то теперь будет? Но ничего не случилось. Алоизас вынул из кармана штанов огрызок карандаша и принялся списывать с доски цифры в свою тетрадку.

Перевел с литовского В. Чепайтис

Союз
нерушимый

ШИРОКА СТРАНА МОЯ РОДНАЯ

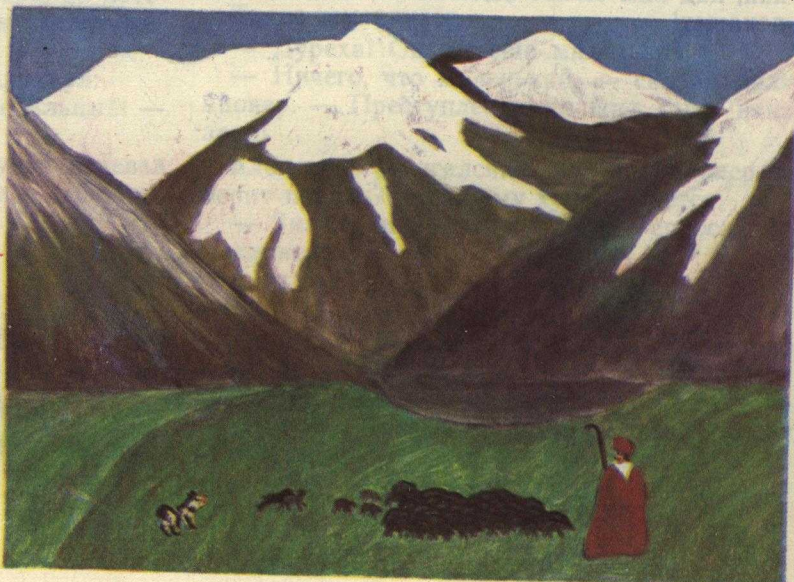
«Широка страна моя родная...» — над тайгой, над целинной степью, над горами, морями и озерами нашей необъятной Родины каждое утро раздаётся мелодия этой песни.

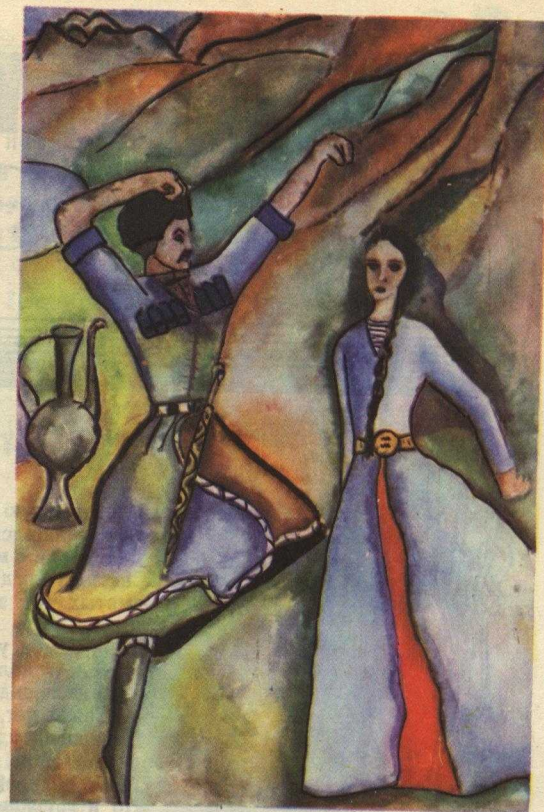
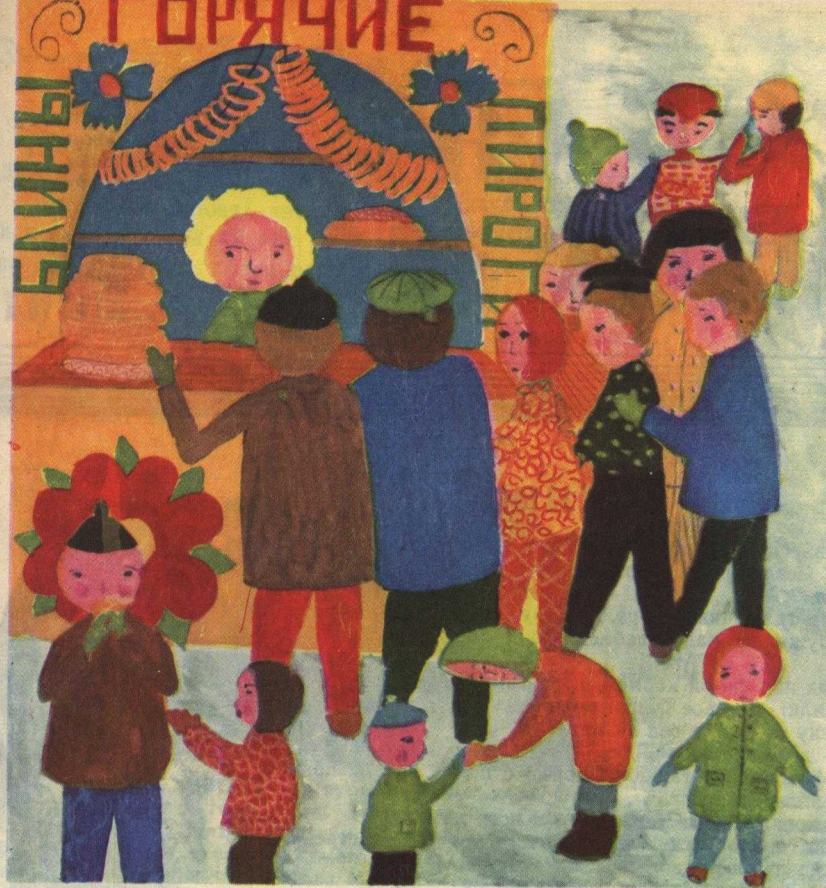
«Любимый край», «Моя страна», «Родное село», «На берегу нашей речки» — часто так называют свои рисунки читатели «Костра».

Наша Родина. Союз Советских Социалистических Республик. Каждый хочет рассказать о любви к своей стране. И рисунки, напечатанные на этих страницах, — тоже рассказы об этом.

Миша Коваленко рисует прием в пионеры в новом Дворце его родного Ульяновска. Мише исполнилось девять лет в прошлом учебном году, и сам он был принят в пионеры.

Саша Хоменко живет в селе Никольское Амурской области. Наверное, он не раз видел дельфинов в открытом море. Его рисунок — о красоте Тихого океана.

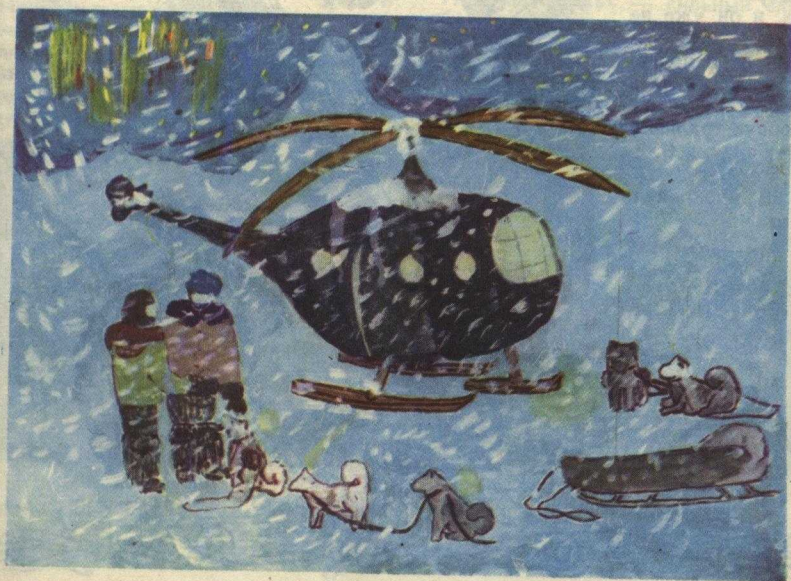
Оля Доронина назвала свою работу «Родной Север». Немало еще на Севере мест, куда можно добраться только на вертолете, но советские люди мужественно покоряют природу.

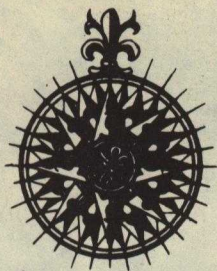
Хасана Саидова живет в горах Осетии, ей десять лет, она учится в четвертом классе. Рисунок Хасаны «Народный танец» — яркий, выразительный.

Игорь Антонов живет в столице Литвы Вильнюсе. Ему двенадцать лет. Рисунок Игоря называется «Яхта». В нем чувствуется любовь к родному Балтийскому морю.

Таня Смирнова — северянка из Архангельска. Она не раз бывала на празднике русской зимы, ела горячие блины, каталась на санках...

Альберт Асаилов и Вася Елизеров живут в Кабардино-Балкарии. Альберт нарисовал гяхтера, который работает в горах. Вася нарисовал просто горы, но написал, что хочет научиться рисовать людей...

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарнова

Оформление
Р. Попова

Год издания 16-й

ДОНЕСЕНИЕ

В штормовую январскую ночь 1942 года тральщик «Взрыватель» после боя возвращался в Севастополь. Бесконечные гряды волн свинцово-черного цвета шли с моря.

Светало, когда на тральщике сыграли боевую тревогу. Вынырнув из-за лохматых туч, закружились над кораблем «юнкерсы». Зацокали по палубе осколки...

Одна бомба упала под самой кормой, и тральщик вдруг покотился влево. Командиру доложили: рулевое управление вышло из строя. Через час тральщик неподалеку от берега сел на мель.

— Связи нет, — доложили командиру. — Рация разбита...

Подоспели уже фашистские танки. И прямо с шоссе начали прямой наводкой бить по кораблю.

Упал, обливаясь кровью, комиссар. Ранен в ноги командир.

Но и у фашистов горело несколько танков — это метко стреляли коммандоры тральщика.

— Держаться! — шептал, слабея, командир. — Держаться до последнего...

Замолчало орудие тральщика, кончились снаряды. Только винтовочными выстрелами отбивались моряки.

Подозвал командир матроса: «Ваня! Клименко!» Подполз Клименко к командиру. Тот протянул ему пакет. «Доберись, Ваня, до наших. Передай донесение. Расскажи, как мы тут держались, не уронив чести русского флота, чести советских моряков».

Умолк командир. Надел Клименко спасательный жилет, спрятал пакет с донесением и прыгнул в море...

Отфыркиваясь от студеной воды, поплыл прочь от тральщика, на восток, к медно-красному горизонту.

Он плыл целый день. К сердцу подступал холод, ноги сводила судорога. Но Клименко плыл, и под его бушлатом, в промасленном пакете лежало донесение командира.

Еще несколько часов, и он уже не мог плыть. Силы покидали его, дышал он с трудом. То ли небо почернело, то ли волны потемнели, то ли в глазах темно...

Вдруг среди волн Клименко заметил корпус тральщика. Наши или фашисты? Тральщик приближался, и Клименко увидел название на его борту — «Гарпун»...

Когда матроса подняли из воды, он прохрипел: «В бушлате... Донесение... Наши ждут помощи».

И. Алямов

Иван Сергеевич Клименко служил на флоте до самого Дня Победы 1945 года. За боевые подвиги он награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны первой и второй степени, орденом Славы.

До 1968 года Иван Сергеевич жил в Евпатории, а потом переменял место жительства.

Морские следопыты! Постарайтесь разыскать героя. Быть может, он живет в вашем городе или поселке.

ТЕЛЕГРАММЫ ИЗ РАЗНЫХ МЕСТ

Закончили строить катамаран и пойдем в поход на две недели по озеру Разлив. Хотим побывать в Разливе у Шалаша
В.И.Ленина.

Леня Завьялов, Ленинград

...Организовали морской клуб "Бригантина".

Для похода по речкам и озерам готовим карты района.

Капитан клуба Таня Бетаева, село Александровка,

Тюменской области

Наш морской клуб расположен на берегу озера Кабан. Озеро это маленькое, но мы считаем его своим "морем". Скоро мы отправимся в поход на шлюпке в Ульяновск.

Г.Газиров, Казань

СООБЩАЮТ ЮНКОРЫ

Мы занимаемся в КЮМе — Клубе юных моряков. Он образовался всего год назад. Руководит им Геннадий Георгиевич Путятин, демобилизованный морской офицер. Даже на суше он сумел увлечь нас романтикой моря. Помогают нам Коля Носков — он недавно закончил службу на флоте, и Гена Лобанов — чемпион края по гребле.

Мы занимаемся физической подготовкой, плаванием, стрельбой, теорией военно-морского дела. Я веду дневник. Вот последняя запись:

«Сегодня все инструкторы уехали на соревнования, но ребята не захотели прерывать занятия. Пришлось мне проводить их. Занимались успешно, но шесть двоек я все же поставил — за флажный семафор. Повторили вопросы: Назначение и классификация корабельных шлюпок. Устройство шлюпки. Движение шлюпки под парусами. Виды парусного вооружения.

С уважением

юнкор Витя Анисимов,
Комсомольск-на-Амуре»

ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

„ЛИФТ ДЛЯ ЛОЦМАНА!“

Раньше как было? Подошел катерок с лоцманом. На судне команда: «Трап для лоцмана!» И лоцман не спеша поднимается на палубу.

А теперь? Попробуй-ка подняться на борт океанского гиганта, если высота его борта тридцать пять метров! Это все равно что по лестнице шагать на двенадцатый этаж дома...

И вот недавно для больших судов сконструировали лифт для лоцманов.

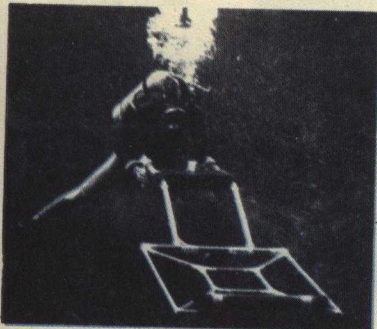
Теперь, как только катер с лоцманом подойдет к борту большого судна, помощник капитана скамандует: «По левому борту! Лифт для лоцмана!»

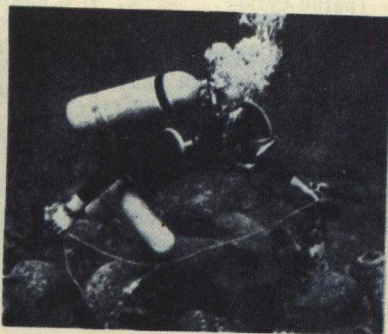
ПОДВОДНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Повесть в картинках и фотографиях о подлинных событиях и находках, а также об инструментах и приборах, которыми пользуются подводные археологи.
(См. №№ 6, 7, 8).

10. Металлоискатель — прибор очень чувствительный. Он обнаружит не только обломки железа или меди, но даже осколок керамической посуды! Аквалангист «везет» его перед собой, словно детскую колясочку.

11. В наушниках — сильный скрежет! Возможно, что под слоем ила, в трюме — древнее бронзовое оружие...

12. Уже установлены границы района, где встречаются остатки корабля. Пора начинать работу. Пятнадцать аквалангистов готовы идти под воду.

Продолжение следует

Еще про Егора

Екатерина Серова

Рисунки В. Гальбы

История с историей

Урок истории идет,
Уж переменка скоро,
Вот тут-то — жутко не везет! —
И вызвали Егора.

Вопросик задан — ой-ой-ой! —
Сражение в Карфагене.
Но, к счастью, Зойка за спиной,
Насчет подсказки — гений!

— К победе рвался Сципион, —
Подсказывает Зойка.

— Вот-вот, сорвался с цепи он! —
Егорка начал бойко, —
Порвал он цепь — и прямо в бой...
Железную, учителя!

— Ох, что же делать мне с тобой, —
Нахмурился учитель. —
Давай продолжим разговор,
Мне двойку ставить жалко.
Какие мальчики, Егор,
Прославились закалкой?

Старалась Зойка что есть сил:
— Конечно, дети Спарты!

Егор тотчас провозгласил:
— Конечно, дети с парты!
Они на партах спали
И волю закаляли!

Егорка сел. В журнале двойка.
Не справилась с работой Зойка.

СЕМЕЙСТВО ОПЯТ

Семен Коган

У самой дороги —
Семейство опят.
Опята стоят
И сердито сопят.

Они уже
Третьи сутки
В пути,
Но им не везет:
Грибников
Не найти.

Стопали опята
Свои башмаки,
Устали опята:
— Ну где ж
Грибники?

Охотник шагал
По тропинке лесной,
Он так им сказал:

— Не ходите
За мной!

Не видите,
Что ли, —
Ружье на ремне,
И с вами
Возиться
Не хочется мне.

Идите, ребята,
Дорогой своей,
А мне не до вас,
Мне бы встретить
Зверей!..

Опята искали
В кустах у реки,
Кричали на них
Из кустов
Рыбаки:

Егор дежурит

Лихо катится клубок
Из голов, и рук, и ног.

Руки, ноги,
Руки, ноги,
Руки, ноги, голова!
Эй, малышка, прочь с дороги,
Уходи, пока жива!

Тут дежурный педагог
Стал разматывать клубок.
Размотал он постепенно
Двух Сереж, Вадима, Гену,
А в середине был Егор,
Красный, точно помидор.

Никого не видя, бурно
Кулаками он махал:
— Я дежурный! Я дежурный!
Будешь слушаться, *ни*хал!

Педагог спросил в упор:
— Я не понимаю,
Что ты делаешь, Егор?
— Я их разнимаю!

Егор учит уроки

От посторонних глаз укрыв
Под книжкой и тетрадкой,
Егор отличный детектив
Почитывал украдкой.

До ночи он читать бы мог
Заманчивые строки,
Но входит мама,
и сынок

Берется за уроки.
В «Ботанику» уткнулся он,
Но детективный дух силен,

И даже в опылении
Он видит преступление.

Хотел Егорка написать:
«Махровые пионы»,
Но проползли к нему в тетрадь
«Махровые шпионы»!

Какая неудача!
А как пойдет задача?

Задача решена, но в ней
Ответ какой-то дикий:
«Три класса за двенадцать дней
Собрали... все улики»!

И тут Егор сказал, друзья,
Классическую фразу:
— Э, нет, товарищи, нельзя
Два дела делать сразу

И вот, усерден и ретив,
Схватился он...
за детектив!

— Вы рыбу нам всю
Распугаете здесь!
Ступайте, ступайте,
Ведь речка —
Не лес!

Идите, ребята,
Дорогой своей.
Эх, нам бы
Побольше
Поймать
Карасей!..

Потом
Повстречали

Они пастуха,
Пастух поглядел
И сказал:
— Че-пу-ха!

Грибы то и дело
Встречаются тут,
А если коровы
Из стада уйдут?

Уйдут, разбредутся —
Ищи их потом! —
Сказал недовольно
И хлопнул кнутом.

— Идите, ребята, —
Добавил пастух, —
Грибы собирать
Мне сейчас
Недосуг!..

Устало опять
Шагают опять.
Не могут они
Грибников
Отыскать.

Ребята, неужто
Не жаль вам опять?
Э-гей, грибники!
Неужели все спят?

ОЛИМПИЙЦЫ, К БОЮ

Рыцари! Финал Олимпийского турнира открыт! Задания готовы, и финалисты рвутся в бой. Какие же условия?

Вас ждут 12 позиций — 6 здесь и 6 в № 10. За решение любой — 10 очков. Набравшим 80 очков будет присвоен четвертый спортивный разряд, за 100 — третий, а за 120 — второй и приз.

Решения должны быть написаны аккуратно, четко и полно. Дополнения и поправки не принимаются.

«Барьеры» для шахматистов:

№ 1. Белые: Кре4, Фг8, Ка8, пп. с7, d7; черные: Крб7, Ка7. Мат в 2 хода.

№ 2. Белые: Кра6, Лd3, Cd6, п.d4; черные: Кра8, п.d7. Мат в 3 хода.

№ 3. Белые: Крг5, Лf2, Лf3, пп.g3, g4; черные: Крh3, пп.c4, g6. Мат в 3 хода.

№ 4. Белые: Крд5, Cf5, Kh3, п.h2; черные: Крh4, пп.h6, h7. Мат в 4 хода.

№ 5. Белые: Крh8, п.c6; черные: Кра6, п.h5. Могут ли белые спастись?

№ 6. Белые: Крб2, Ch4, п.a6; черные: Кре5, Лg1. Могут ли белые выиграть?

«Барьеры» для шашкистов:

№ 1. Белые: с3, с5, d4, e3, e5; черные: а5, а7, b6, e7, g3.

№ 2. Белые: с1, d4, e5, f4, f6, g3; черные: с7, d6, h2, h6, h8.

№ 3. Белые: а3, с3, e1, g5, h4; черные: а5, с5, d2, e5, h8.

№ 4. Белые: с5, f4; черные: а5, b8.

№ 5. Белые: Да5, пр.а3, f2; черные: пр.а7, h2.

№ 6. Белые: Дh8, пр.а5, h6; черные: Да7, пр.с7.

Везде — белые выигрывают.

С ДОБРЫМ ШАХОМ!

О шахматистах рассказывают много забавных историй. Ферзьбери приказал шахмат-капитану Пешкоедову помещать их в этой рубрике.

Лет 70 назад претендентом на шахматный трон был немецкий шахматист Зигберт Тарраш. Когда ему минуло 6 лет, родители пригласили учи-

теля. Зигберт тут же притащил из детской испанскую доску.

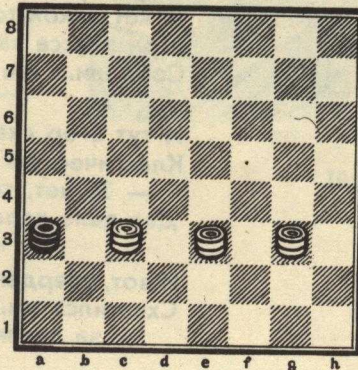
— Это что? — спросил учитель.

— Это я написал!

— Написал? — засмеялся учитель. — Но тут ничего не написано! Тут просто разные буквы и цифры!

— Нет, не просто, — сказал Зигберт. — Это главный вариант испанской партии из учебника Бильгера.

НУЖНА СКОРАЯ ПОМОЩЬ

Арчебековцы нашли странную диаграмму с припиской:

«Тому, кто найдет!

Прошу помочь! Прошу помочь! Мне так надо тут выиграть! Это очень и очень для меня важно. Не спрашивайте почему — это тайна, но поверьте, что ужасно важно. Помогите! Мы уже сделали в этом окончании 10 ходов. Коля П.»

Ну что ж, рыцари? Кто поможет Коле П.? Учтите, что по правилам на ловлю одинокой дамки тремя дается 15 ходов. Здесь 10 сделано и осталось только 5. Итак: поймайте и уничтожьте черную дамку за 5 ходов!

КОЛОНКА РЫЦАРЕНКА

Три неразлучных друга — Знай, Незнай и Полузнай — отправились в поход. Шли, шли и — стоп: река! Конечно, для тех, кто на ходу решит обозначенную там задачу, перейти ее — пара пустяков. Но для всех прочих не так-то просто...

— Ерундовая задачка! — вскричал Полузнай. — Я пойду!

И вот, как видишь, бедняга застрял — ни туда, ни сюда. А ты? Перейдешь эту реку?

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

«Костер» № 6. Шахматы. (Юра) — 1.Ла6! ба 2.Лb1 (или—1... b6 2.Лh7). (Коля)—1.Фh7+Крd5 (лучшее, но... не спасает) 2.Фd7+Крc4 (при других ходах потеря ферзя очевидна) 3.Фb5+, и черные теряют ферзя или получают мат. (Для рыцарят) — 1.e4+! Дальнейшее понятно.

Шашки. (Валерий) — 1.gf2! 2.ba3! 3.a:c7 4.ef2! 5.ba5X. (Сережа)— 1.ed2! 2.gf2! 3.ef4! 4.ba3 5.a:g5X.

«Костер» № 7. Шахматы. (А) — 1.0—0! Кр:а7 2.Лd8! Кр:а6 3.Лd7 и т. д. (Б) — 1.c5 Крb7 2.a8Ф+! Кр:а8 3.c6 Крb8 4.f4, остальное ясно. (Для рыцарят) — 1.Фd5, или 1.Фа2, или 1.Фg2.

Шашки. (А) — 1.dc5! 2.ef6 3.dc3X. (Б) — 1.ef2! 2.cb2 3.fg3X.

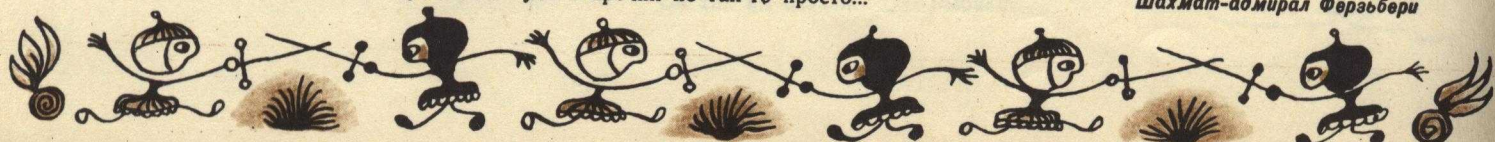
ПРИКАЗ № 9

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ, приказываю:

§ 1. Рыцарям-финалистам и рыцарям доложить о выполнении боевых заданий до 15 ноября.

§ 2. Финалистам указать, есть ли у них спортивный разряд.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

ДВЕ СЕРЫЕ ШЕЙКИ

Ольга Сербенко

У нас возле дома такое движение — гляди в оба. И я гляжу всегда в оба. И что же, думаете, вижу — горлица под машинами мечется. Одну obeжит, а тут другая мчится, от этой увернется, третья на подходе. Никак не может горлица улицу перейти.

Но почему бы ей эту улицу не перелететь?

И стукнул тут я себя по лбу: значит, ранена.

Еле дождался зеленого светофора, помчался к птице на выручку. А она, глупая, никак не поймет моих добрых намерений.

Машины гудят, машины стоят, а я горлицу ловлю. Поймал наконец. Так и есть — крыло перебито, рогаткой, между прочим. Ух, знать бы, кто это пулянул в беззащитную птицу!

Принес ее домой, а она дрожит, от корма отказывается. Один мой вид ее до смерти пугает. Не стал пугать и брату младшему Вовке запретил в тот угол заглядывать.

На третий день вышла горlinka из своего госпиталя. Крыло хоть и волочится, но уже не так сильно. Осмелела немного, крошки под столом начала подбирать. А еще через два дня на подоконник взлетела. Бьет черненьким шильцем по стеклу, на волю хочет. Я бы ее отпустил, да не прокормится еще сама, крыло только приживать стало.

В тот день прибегаю я к вечеру домой и ничего не могу понять. Может быть, у меня от усталости в глазах двоится: пятнадцать — десять в нашу пользу, вот какой был футбол!

Уходил — сидела на подоконнике одна серая птичка, теперь — две. Две серые шейки вытягиваются в мою сторону. Стал подходить — одна серая шейка вспорхнула — и в форточку. А другая не может. Забилась о стекло.

Видно, и у птиц, как у людей, друзья в беде познаются. Если верный друг, прилетит еще, а о плохом и убиваться нечего. Птаха будто поняла меня, перестала о стекло биться.

Всю ночь я ворочался, следующий день торопил. Так хотелось проверить, бывают у птиц настоящие друзья или нет.

Оказывается, бывают. Все еще спали, когда к моей серой шейке друг прилетел, потому что был верным и настоящим. И не стал улетать, потому что и во мне друга увидел.

Улетели они вместе, когда у горлицы крыло слосло.

Вот тогда-то я и отобрал свою рогатку у Вовки. Отобрал и сломал. Вовик сначала похныкал, а потом ничего. Понял.

ШУМОК И БЕЛКА

Василий Бочарников

Собаку Сергуньки Березина зовут Шумок. Положи меховую рукавицу на рукавицу — вот и весь Шумок. Ушки как листики подорожника, и поднимаются не вверх, а в стороны, глаза коричневые, лапы ниже колен серо-белые.

Куда Сергунька, туда и Шумок: в лес, на рыбалку, в поле, даже в школу, в соседнюю лесную деревеньку, провожает хозяина. А по дороге то зайца выпугнет, то тетерева поднимет и кинется вдогонку.

А беличью домовку Сергунька открыл случайно. На солнечной стороне оврага собирал грибы, тут всегда попадались тугущие красноголовки. И вдруг что-то мелькнуло рыжее. Присел Сергунька за ствол березы, пригляделся — белка. Шустро повертывая головку со смешными ушками-кисточками, белка села на задние лапки, поставила хвост торчком, чтобы не намочить в траве росой, а передними лапками умело-привычно сломала порядочный грибочек, прихватила его зубами и — прыг, прыг, прыг. Перенесла гриб к своей елке. Попробовала поднять его на дерево, а ничего не вышло: подосиновик попался тяжеленный. Тогда белочка отделила корешок от шляпки, а саму шляпку разломала на несколько частей. И так перенесла гриб на дерево.

Никому из лотковских ребят Сергунька не рассказывал про белку — еще разорят гнездо. Был уже похожий случай. Показал малому братцу своему Петюне соловьиное гнездышко за скотным двором, а Петюня разболтал своим друзьям. Стали ходить, надоедать соловьям, и улетели соловьи.

В тот день Сергунька, как обычно, шел в школу с Шумком. Миновали Зайцевское поле. Вот и овраг знакомый. Шумок рванулся вперед. Залаял радостно, ликуя. Кого-то спугнул в траве. Белку.

Деваться белке некуда, и она вскочила на высокую черемуху. А рядом деревьев нет. Сергунька побежал, хотел было придержать Шумку, а белка поняла, что он сейчас будет трясти черемуху, помогать собаке, и тогда ей совсем будет плохо и — была ни была — прыг-

нула в траву, чуть ли не на собаку. Шумок кинулся на зверька, схватил за хвост. Растеряйся белка, тут бы ей и конец. А только она извернулась и как царапнет Шумка прямо за нос передними лапками. Шумок оторопел, выпустил белку. В три-четыре проворных прыжка домчалась белка до ольхи, с ольхи переметнулась на свою родную ель. Попробуй теперь доберись до нее!

Шумок опомнился. Залаял. Забесновался. Он совсем не понимал, почему его хозяин стоит и улыбается, когда надо бы помочь ему, Шумку, или уж, на худой конец, отругать за промах.

Рисунок П. Швеца

ЗЕЛЕНЫЕ* СТРАНИЦЫ

БУДЬТЕ ЗНАКОМЫ

Совсем еще недавно филин был вне закона и за его уничтожение выплачивалась награда. Сейчас филинов осталось так мало, что за убийство филина положен штраф. Нельзя считать птицу вредной только за то, что она хищная. Многие хищники — особенно совы! — приносят человеку большую пользу. Без них неумеренно развились бы вредные грызуны.

Ю. Пукинский

Раздел ведет писатель Н. Сладков

КЕЛЮЧА

Однажды я вышел в море на байдаре со зверобоем-ненцем Андрейкой.

Неожиданно байдару качнуло, и рядом с ней всплыл рыжеватый морж. Его гигантское тело было покрыто складками, а на шее вздувались здоровенные шишки.

— Старый, чертяка. Шишкарь, — сказал я. — Только клыки подкачали — кривые какие-то.

А Андрейка внимательно посмотрел на моржа и вдруг закричал: «Келюча! Келюча!» И давай, что есть сил, гребти к берегу. Я схватил второе весло. Мы стремительно поплыли к берегу, но было поздно — морж ударил в байдару, и мы очутились в ледяной воде. К счастью, берег уже был рядом и ногами мы нащупали дно. Через несколько минут мы разожгли костер.

Обсохнув и согревшись, я спросил Андрейку, что означает слово «келюча».

Андрейка вот что рассказал.

Моржи, оказывается, «келючами» не рождаются. Они вырастают из тех, которые сиротами остаются. Убьют зверобой у моржонка мать, а клыков у малыша еще нет. Чужие моржихи в свою семью не принимают, а есть охота.

Сирота-морженок своими маленькими клыками начинает пахать дно, ищет рачков. Клыки слабые и постепенно искривляются. Потом морженок подрастает и начинает нападать на нерп, на тюленей — разбойничает с голоду. По кривым клыкам зверобой и узнают злого моржа — «келючу».

После рассказа Андрейки я потом всегда присматривался к бивням каждого моржа — не «келюча» ли?

Евг. Попов

РАССКАЗЫ БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ

ЛОВКИЕ РЫБОЛОВЫ

Позавидовал я бакланам: легко живется ловким и старательным рыболовам! Наловят в море рыбы, наглотаются до отвала — и летят в лес на отдых. Рассядутся по деревьям, дремлют на солнышке, намочившие крылья сушат. Не знал я тогда, что есть рыболовы и половчее...

Воронам самим не поймать в море рыбу. Но они кое-что знают, и потому заранее рассаживаются вокруг отдыхающей стаи бакланов. Вороны ждут. Ждут своего благодетеля — орлана-белохвоста.

И он появляется! Распахнув крылья, выставив огромные когти, он падает с неба прямо на стаю бакланов. Бакланы в

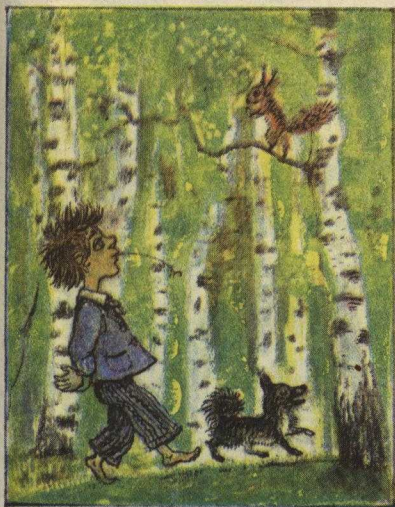
ужасе шарахаются с деревьев. А перед тем, чтобы легче было лететь, выплевывают всю пойманную рыбу. Шлепаются на землю, в воду красноперки, подлещики и судачки.

А воронам того и надо! Дожую-то рыбу легко собирать, не то что живую ловить. Каркают, дерутся, торопятся. Еще бы не торопиться: орлан тоже не прочь поживиться за чужой счет!

Растащат хитрые «рыболовы» весь бакланий улов и рассядутся перышки чистить. А бакланам надо снова к морю лететь, снова рыбу ловить. Снова кормить нахлебников. Ну и себя, конечно. Если повеет...

Д. Бондарев

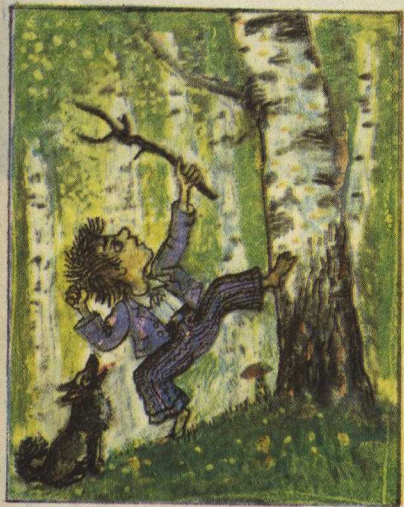
ЖАЛЕЙКИН И ДЯТЛЫ

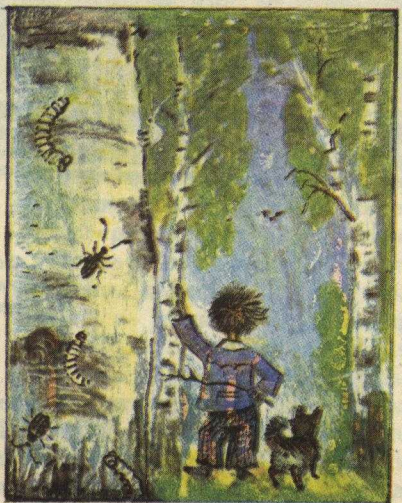
1. Пришел Жалейкин в рощу и слышит: стучит кто-то, будто бы топором!

2. Подкрался и видит: сидит на березе дятел и долбит ее носом. Только щепки летят!

3. Жалко ему стало березу. «Кыш, вредная птица!» И запустил в дятла палкой.

4. Прогнал дятла, а не разглядел, что дятел-то большую березу долбил, очищал ее от древоточцев и короедов.

5. Перестал дятел в рощу летать. Расплодились в ней личинки, жуки и гусеницы. Стали березы сохнуть. А Жалейкин знает охраняет рощу от дятлов.

И до того доохранял, что вместо рощи один сухостой!

Рисунки
П. Швеца

РЕШАЙТЕ САМИ

А У НАС ГОВОРЯТ...

Хочу подсказать вам дело, а уж вы сами решайте, возьметесь за него или нет. Дело вот какое: чего только о птицах и зверях не услышишь, какую только напраслину на них не возводят. И все, кому не лень: пастухи, охотники, грибники, пасечники, рыболовы, туристы. Толком не разберутся, а сразу же с обвинениями: «А у нас говорят, что сыч беду накликает!» — «А у нас говорят, что веретеница ядовитая, что от жаб бородавки». — «А у нас говорят, что крот картошку на огороде грызет!»

Раз от зверя вред, значит, надо его бить. А за что? Крот не грызет картошку, веретеница не ядовитая, а полезная. Да разве только про них говорят? Столько напридумывали на птичь-звериные головы, что пора уже разобраться со всеми этими «а у нас говорят!»

А что у вас говорят? Присылайте нам байки и побрехушки, вместе начнем разбираться. Надо же отстоять невинных.

КОСТЯ ТЕРКИН

ПРЕДСКАЗАТЕЛИ

ФАЗАНИЙ БАРОМЕТР

Жил я на кордоне у егеря. Стояла страшная сушь и жара. Молчали птицы. Жаворонки, разинув клювы, сидели в тени столбов. Голубые сизоворонки в изнеможении лежали на толстых сучьях, свесив крылья по обе стороны. Невеселыми были жаркие дни и для семьи егеря: все выбывали из сил, каждый день поливая засохшие огороды.

И в этот раз, устало глядя в чистое небо на раскаленное солнце, мы стали собирать ведра. Но вдруг егерь прислушался и радостно крикнул: «Поливать сегодня не будем, к вечеру хлынет дождь!»

— Какой дождь, если на небе ни облачка?

— А ты послушай! — отвечал егерь.

Со всех сторон из зарослей доносились давно нами не слышанные крики фазанов. Фазаны громко перекинулись, цокали, с шумом взлетали, беспокойно вертелись на сучьях.

— Это непременно к дождю! — уверенно говорил егерь. — Я тут четверть века живу, пригляделся!

Он не ошибся. После полудня откуда-то наполнили тучи и зарядил мелкий «урожайный» дождь. Фазаний барометр не подвел.

М. Зверев

ПЫЛЬ ВЕКОВ

ГЛАВА ИЗ КНИГИ О ЯЗЫКЕ

В. Колесов,
доктор филологических наук,
профессор
Рисунки **Е. Претро**

В каждом деле есть свои материалы и инструменты. У химика — колбы и реактивы, у строителя — чертежи и камень, у кузнеца — горн и кусок железа... У языковедов нет ничего, кроме речи, которую они слышат вокруг или которую могут извлечь из старых книг.

У распахнутого кривого окошка стоит за столом грузный человек с пером в руке. Время от времени смотрит в книгу, которая развернута на подставке, макает перо в глиняный пузырек, пишет на больших шершавых листах. Иногда сосредоточенно кряхтит, почесывает нос концом пера, долго глядит в прохладный угол избы. И снова пи-

*...Засветит он, как я, свою лампаду —
И, пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет...*

А. С. Пушкин. „Борис Годунов“

шет, встряхивая пузырек. Потом доликает чернил.

Жара душит и его. Он с завистью следит за соседями, которые тянут прямо из кувшина какое-то питье. Часто чешет спину, морщится, кряхтит.

У кафтана закатаны рукава, верхняя пуговица расстегнута. Дальше за работой раздеваться нельзя: стыд проймет! Жарко...

И на поля листов рядом с переписываемым текстом ложатся его собственные слова, слова изнуренного жарой и болезнями человека.

«...покушати писати новымъ черниломъ...»

«...о горе свербить...»

«...охъ знойно...»

«...чресь тынь пьютъ а насъ
не зовуть...»

«...ох свербитъ...»

«...полести мыться...»

«...о святой Никола пожалуй
избави коросты...»

«...шести ужинать...»

«...родиша свиния пороша-
та...»

Так и дошли до нас эти за-
метки древнего писца. И на ос-
новании их мы можем говорить
об особенностях речи псковича
второй половины XIV века.

О каких же особенностях?

Во-первых, о фонетических.
В этих заметках отражено рус-
ское полногласие: не «праса-
та» и «краста», как было бы в
других славянских языках, а
«поросята» и «короста». Переда-
на также типичная особенность
псковских говоров, свойствен-
ная им и теперь, — смешение со-
гласных звуков с и ш: написано
«шести» вместо «сести» и «поро-
шата» вместо «поросята». Писец
вообще пишет так, как говорит:
«полести» вместо «полезти»,
«чрес» вместо «чрез».

Во-вторых, здесь встречаются
и морфологические особенности,
для нас странные. Неопределен-
ная форма еще оканчивается по-
старинному на -ти: «покушати,
писати, полести, шести», то есть
«покушать, писать, полезть,
сестъ». И повелительная форма
глагола также старая: «изба-
ви» — это ведь по-нашему «из-
бавь».

И третье лицо настоящего вре-

мени употребляется с древним
мягким окончанием -ть, смотре-
те: «свербитъ, пьютъ, зовуть...»
Мы теперь говорим иначе:
«свербит, пьют, зовут». И даже
поддабриваем рязанцев, кото-
рые нет-нет да и произнесут как
бы по-древнерусски с -ть: «У нас
в Рязани пироги с глазами: их
ядять, а они глядятъ!» Когда-то
только так, мягко, по всей Руси
и говорили.

А чего стоит старая форма
прошедшего времени «родиша».
В переводе на современный рус-
ский язык ее можно передать
так: «родила». Но ведь и сам
писец мог бы сказать: «родила
свиния поросята», в его время
это было вполне возможное со-
четание слов. Тем не менее он
написал: «родиша». И правиль-
но сделал. Русский язык в
древности имел четыре прошед-
ших времени, и каждое из них
имело свое определенное значе-
ние, которых мы теперь не раз-
личаем. И к упоминанию о ро-
дившихся поросятах именно эта
форма и подходила: «родиша» —
и все!

Если уж речь зашла о порося-
тах, обратите внимание, что сло-
во «поросята» стоит в форме
именительного падежа. Почему
в именительном? В родительном
надо: «родила свинья поросят!»

Опять писец прав. Для своего
времени, конечно. Тогда очень
редко в прямом дополнении
употреблялась форма родитель-
ного падежа, да и то только для
обозначения людей. При назва-
нии же животных, птиц и рыб,
также их детенышей этого ни-
когда не делалось вплоть до
XVII века. Вот и получилось:
«родиша свиния порошата...»
Кстати, «свиния», а не «свинья».
Снова загадка.

И вновь никакой загадки!
Старое ударение этого слова
«свиния», такое ударение сохра-
нили некоторые древние руко-
писи. А под ударением гласные
звуки никогда не исчезали.

Можем мы говорить и о неко-
торых особенностях в значении
слов. Уже первое из них — «по-
кушати» — кажется странным:
при чем здесь еда? Кто ест чер-
нила?

А никакой еды и нет. Сравни-
те с этим сохранившееся до на-
ших дней слово «искушать»;
да и само «покушати» сохрани-
лось, только добавилась части-
ца: «покушаться». «Покушати
писати» — «попробовать пи-
сать» — вот что это значит.

«...попробовать пописать но-
выми чернилами...»

«...о, горе! Свербит...»

«...ох, знойно...»

«...через забор пьют, а нас не
зовут...»

«...ох, свербит...»

«...не пойти ли помыться?..»

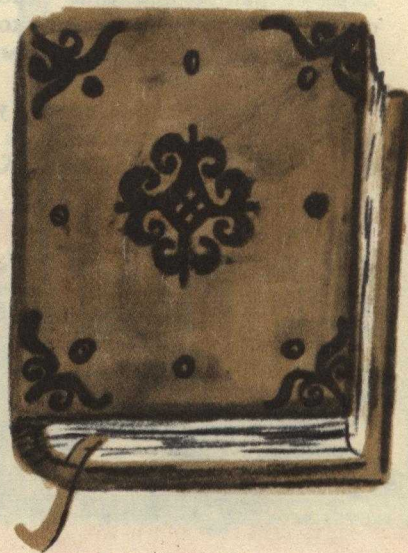
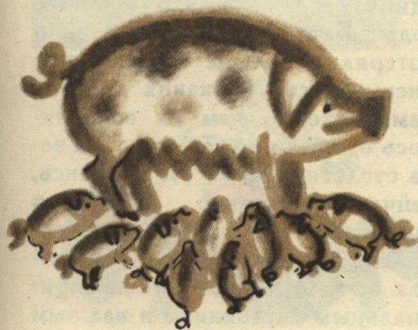
«...о святой Николай, пожа-
луйста, избавь от чесотки!..»

«...сестъ да поужинать...»

«...родила свинья поросят!..»

Сколько интересного матери-
ала дали нам для наблюдений
эти девять строк на полях ста-
рой рукописи. А ведь таких за-
писей тысячи! И многие-многие
сотни рукописей. Разных.

РОДИША СВИНΙΑ
ПОРОШАТА

Больших и маленьких, торжественных и простых по содержанию, бумажных и пергаментных по материалу, написанных в разное время и в разных местах Руси. И каждая может что-то дать историку языка — каждая в отдельности или в сопоставлении с другими.

Переписывать рукописи было тяжело. Не каждому доверяли это дело. Один псковский текст 1271 года переписывал Захарья вместе с сыном своим Олуферьем. Переписывал и все время письменно извинялся за ошибки сына, которого называл детской, то есть ребенком. А ошибок очень много — к счастью для нас. Этот нерадивый школяр сохранил для нас массу особенностей древнепсковского говора и вообще русского языка той поры.

Много интересного можно узнать из приписок о жизни и судьбе старых писателей. Как

они счастливы, заканчивая работу: «как радуется заяц, избежавший силка, — так и писец, кончивший последнюю строку!»

Тяжело писать и скучно.

И вот один записывает: «ох-ох-ох, дремлет ми ся» (попробуйте, переводите!) Другой как бы вторит ему: «О господи! Посмеши — дремота неперемная...» А третий сам себя убеждает: «Офреме, грешник, не ленися!» И еще один: «Ох мне лихого сего попирия голова мя болит и рука ся тепеть!» (это уж надо перевести: «ох, у меня от этой мерзкой бумаги голова болит и рука немеет» — вот сколько неизвестных вам слов в таком кратком тексте!) И еще: «Ох, уже глаза спать хотятъ». Между прочим, в этой последней приписке, дошедшей до нас от XIV века, самое древнее употребление слова *глаз*, до этого говорили только *око*, *очи*.

И тут же заметки о еде. Негусто кормились: «како ли не объестися: поставять кисель с молоком», «сести ужинать клюкования съ салом рыбьим» (наверное, очень вкусно: клюква в рыбьем жире!), а вот у третьего и того нет: «в голодное лето написях...»

Еще запись в рукописи XII века: «Ох душе увы ужико о горе супружнице моя!» Для нас это — интересное употребление звательных форм существительных и некоторых редких слов (например, *ужик* — родственник не по крови), а если задуматься... Это торопливая запись убитого горем человека, который только что потерял любимую жену.

Человеческие документы прошлых веков становятся источником основных сведений о древнем языке. В разной степени они отражают характер писавших их людей, их дела и заботы, их тревоги и надежды. Но все они передают их речь. Речь монастырских и мирских священников, городских ремесленников, воинов и деревенских людей.

О каждой древнерусской книге можно рассказывать беско-

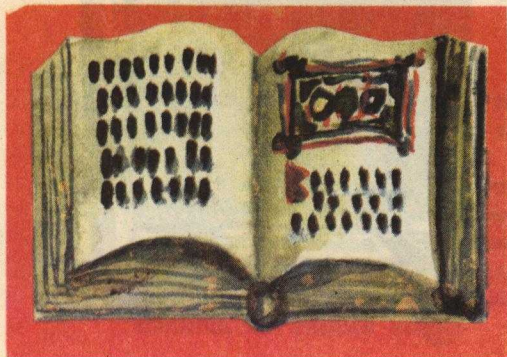

нечно. Эта написана рукою зловещего воеводы Путяты, который по повелению Владимира Красна Солнышка огнем и мечом крестил Новгород. Раскаляясь воевода в грехах, ушел в монахи, но «не было ему счастья на земле», да и много веков спустя, кто бы ни брал в руки писанный им пергамент, обязательно — по легенде — заболевал неведомым недугом, чернел и испепелялся вживе.

А эту красавицу любовно разрисовали в Новгороде в самом начале XII в., и до сих пор радуется она глаз золотистым орнаментом и четкими буквами.

А вот эта — самый древний из дошедших до нас список русской летописи: в конце XIII века в том же Новгороде неведомый нам летописец смиренно заносил на бумагу события трудной жизни.

Не одно нашествие прошло по Руси, не одно пожарище, не один грабеж. Только в лихие годы Батыева разбоя русичи потеряли больше памятников письменности (и каких древних памятников!), чем их сохранилось от всех прошедших с XI века столетий. А те, что остались, сейчас тщательно изучаются учеными; их внимательно сохраняют в архивах и библиотеках. Эти рукописи стали национальным достоянием и важным свидетельством творческой деятельности наших предков.

НАДО ПОПРОБОВАТЬ!

РЕПОРТАЖ

Если честно признаться, я был неважным физкультурником. «Конь» вставал на дыбы, едва я к нему прикасался, «бревно» извивалось подо мной, как удав, штанга наваливалась на меня всем своим весом, жесткие брезентовые маты то и дело хлопали со страшной силой по спине и по затылку.

С тех пор много лет прошло. Жизнь научила меня и подтягиваться, и, балансируя, ходить по бревну, и даже скакать на коне. Но каких это стоило трудов! Часто, очень часто я жалел о том, что не научился всему этому еще в школе.

И вот мне захотелось посмотреть, как идут дела у теперешних мальчишек, которые учатся в той же школе и занимаются физкультурой в том же спортивном зале, что и я...

Около двери кнопками приколоты к стене газета. Она измята и потерта на сгибах, видно, что по ней тысячу раз водили пальцем. Это номер «Советского спорта» за 25 февраля. В нем приведены нормативы ГТО для людей любого возраста, в том числе и для моих новых знакомых. Я уже знаю, как их зовут. Пока ребята раздеваются, задаю им несколько вопросов.

— Что вы скажете о новых нормах ГТО? Справитесь?

— Запросто, — восклицает Андрей, — одной левой!

— Надо попробовать, — скромно говорит Володя.

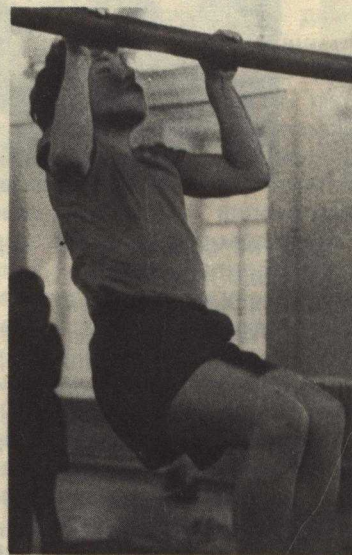
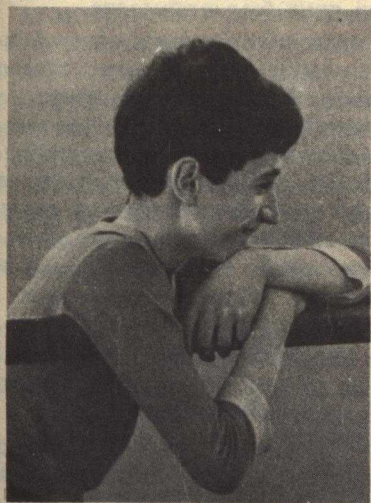
— Я подтягиваться не умею, — виновато признается Миша, — я только немного умею висеть.

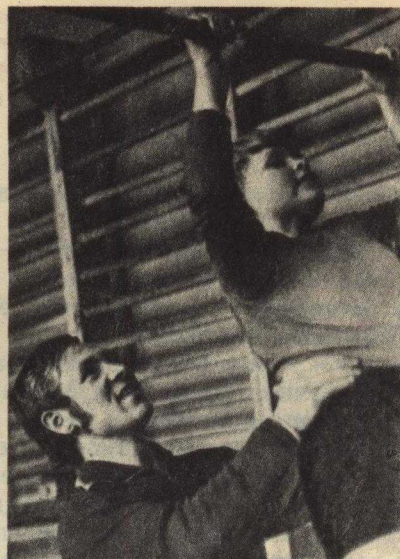
— А мне мешает вес, — с досадой произносит Толя, — вот если бы дали штангу...

— Нормы трудные, но выполнимые, — уверенно заявляет учитель физкультуры Олег Федорович. — Каждому здоровому человеку они по плечу. Вот только с плаванием у нас будут затруднения. Бассейнов пока не хватает. Кто-то из наших ребят вообще не умеет плавать.

Начинается урок. После серьезной разминки ребята устанавливают перекладину.

Первым к ней подходит Володя. Уже по тому, как аккуратно он складывал одежду перед уроком, было ясно, что Володя — человек основательный и солидный. Без лишних слов он обхватывает холодный металлический стержень. Раз, два, три, четыре... семь раз его подбородок взлетает над перекладиной, семь

другие помалкивают и творят чудеса. Это правило, как и любое категорическое правило, не всегда отражает истину. Андрюша хвастал перед уроком, но все-таки, хоть и с трудом, а подтянулся пять раз, то есть выполнил норму. А вот Миша, например, держался скромно, но ведь и подтянуться не сумел.

Если человек в себе уверен, ему не надо много говорить, чтобы привлечь внимание окружающих. Его успехи и так у всех на виду.

ГТО расшифровывается так: «ГОТОВ к ТРУДУ и ОБОРОНЕ». Это очень серьезные, ответственные слова. Тот, с кем ты будешь бок о бок работать или сражаться, должен быть настоящим человеком.

Хвастун возьмет на себя много, а выполнит половину, да и то с трудом. Положиться на такого можно, но абсолютной уверенности у тебя не будет. Скромный и беспомощный тоже не товарищ в работе и в бою. Вот Толя, например, сказал: «Подтягиваться трудно, дайте мне штангу». Теперь представьте себе воина, которому во время атаки приказано переплыть реку, а он и говорит: «Нет, я лучше залезу на дерево!»

Еще я заметил, что некоторые ребята радовались, когда у товарищей ничего не выходило. Не хотел бы я оказаться с таким рядом в трудную минуту. Настоящему человеку всегда хочется, чтобы его друг был на высоте.

Многие ребята выполнили нормы, подтянувшись пять раз и больше. Остальным нужно еще потренироваться. Я специально не назвал номер школы и умышленно перепутал все имена. Ведь это пока обычный урок, простая репетиция. Время еще есть, и каждый, поработав на совесть, сможет приколоть себе на грудь блестящий значок ГТО. Главное, помнить: ГТО это не только сила и ловкость, но и ДРУЖБА.

Звонок. Мои новые приятели бегут в раздевалку, чуть более сильные и ловкие, чем раньше. Освобожденные от занятий покидают свою скамейку и вяло плетутся к выходу.

Я прощаюсь со спортивным залом. Хлопаю „коня“ по коленкоровой обивке, прикасаюсь к шершавым канатам, провожу рукой по гладкой нагретой перекладине и немного жалею о том, что не могу сейчас вместе со всеми шагать по лестнице на следующий урок, где меня будут внимательно и терпеливо учить полезным вещам.

Сергей Довлатов
Фото В. Сюзева

Рисунки Ю. Бочкарева

раз, не больше и не меньше, ровно столько, сколько нужно для того, чтобы получить золотой значок. Молодец!

У Андрея дела идут не так уж гладко. «Запросто!» — восклицал он десять минут назад, прыгая на одной ноге и стаскивая брюки...

— Стоп, — говорит ему учитель, — перекладину надо обхватывать не снизу, а сверху. Не облегчай себе задачу!

Андрей подтянулся пять раз. Этого достаточно, чтобы получить серебряный значок. Но далось ему это не легко. Уж во всяком случае, не «запросто» и не «одной левой». Он болтал ногами, задира подбородок вверх, чтобы только коснуться перекладины...

— Ну и устал же я, — честно признался Андрей.

Мы привыкли разделять людей на две группы. Одни много говорят, но ничего не делают,

БЕГОМ ПО БЕЛУ СВЕТУ

Я давно знаком с этим неутомимым спортсменом. И всякий раз, когда он выходит на старт очередного сверхмарафона, восхищаюсь его волей и мужеством. В его послужном списке пробеги Волгоград—Ужгород (протяженностью 2213 километров), Ленинград—Киев—Москва (2126 км), Мурманск—Ленинград (1200 км)... О. Лось пятьдесят лет. Во время своих пробегов и тренировок он преодолел 80 000 километров. Надо же столько пробежать по белу свету! Недавно неутомимому бегуну было присвоено звание мастера спорта СССР.

Как-то я услышал о Лосе:

— Чудаковатый он человек. Ну, посудите. Приходит Лось в аудиторию Электротехнического института, где он преподает высшую математику, а ему говорят: лекцию придется читать в другом корпусе. Прикинул Лось — четыре километра. «Вот что, товарищи,—обратился преподаватель к студентам,— время терять не стоит, самое надежное средство передвижения — это бег». — И как был — в новом костюме и модных полуботиночках — побегал.

После войны лейтенанта Лосю уволили в запас с ограничением первой степени. Из-за ранения обеих ног он был вынужден передвигаться на костылях. Когда стал поправляться, врачи посоветовали больше ходить. А он решил бегать...

В канун 50-летия Октября венгерский спортсмен Дьердь Ширилла пробежал 2215 километров от Будапешта до Москвы. От Киева его сопровождал неутомимый О. Лось и его

товарищ Г. Колгашкин. Чтобы не пропустить встречу с Шириллой, двум ленинградцам пришлось бежать от Ленинграда до Киева. Бежали они одни, и эти тяжелые 1192 километра не были зафиксированы судьями.

Лось о своем венгерском друге говорит так:

— Я не знаю более настойчивого и волевого спортсмена. Это очень общительный и веселый человек. Юра (так звучит имя бегуна на русском) — водитель будапештского такси. У него трое детей. Его ежедневно можно увидеть бегущим по улицам венгерской столицы. Транспорт он вообще отвергает, исключая, конечно, работу. Бег для него — это жизнь. Когда Юре исполнилось восемь лет, он упал в реку. Врачи сделали все, что могли, но ноги так и остались парализованными. Четыре года малыш ходил на костылях. А потом, когда стал немногоправляться, врачи сказали: «Бег, бег и еще раз бег — вот твое спасенье, Дьердь...» Так Ширилла стал сверхмарафонцем.

После финиша в Лужниках международная легкоатлетическая федерация зарегистрировала результат Шириллы в качестве мирового достижения. Вот итоговые цифры пробега: 2215 километров пройдено за 35 дней. 63 километра в день! Тогда-то у Олега Лося и зародилась мысль пробежать в следующем году лучше венгерского друга.

Старт в городе на Волге принял пятеро бегунов. Уже первые десятки километров показали: путь будет нелегким. Жара — плюс 42° в тени. Судьи, сидящие в сопровождающем автобусе, изнывают от духоты. А каково бегунам? Врачу приходится каждые три километра поить спортсменов. Но это мало помогает. Бегуны просят шоферов проезжавших мимо поливных машин сделать «душ». Становится легче.

После каждого отрезка пути все больше и больше сказывается усталость. День разбит на два этапа. После обеда — отдых, и — снова в путь. Вечерний бег — самый трудный. Нужно собрать волю в кулак, чтобы заставить себя выйти на шоссе. Неутомимый Лось после отдыха умеет настраивать товарищей.

Но под Краснодаром двоих сломали трудности, пришлось им пересесть в автобус. Пробеги продолжают теперь трое. Получают травмы Терновский и Гришаев, но они остаются в строю... Особенно тяжелы последние сотни километров. Короткий отдых с массажем и баней не может полностью восстановить силы. Бегуны разучились ходить. Они теперь похожи на матросов, долгие месяцы не ступавших на землю.

Со скоростью 15 километров в час бегуны врываются в Карпаты. Арбитр сообщает: пал рекорд Шириллы.

И вот уже финиш. Все!!! Мировое достижение по многодневным пробегам теперь принадлежит советским спортсменам.

Разные у Олега Лося ученики. Это было в деревушке за Москвой, на пути к Харькову. Когда странный путник в трусах попросился в один дом ноче-

вать, его спросили: «Издалека?» — «Из Ленинграда. Бегу на юг отдыхать». Ответом было недоверчивое покачивание головой. И так всюду на трассе — недоверие росло с каждым километром.

Между тем все было правдой. Профессор Политехнического института Сергей Николаевич Койков действительно бежал на юг отдыхать. Жена и дочь тем временем ехали в поезде и везли его вещи. Это не единственный случай, когда доктор физико-математических наук не пожелал воспользоваться общественным транспортом. В прошлом году он «сбежал» в Киров — в гости к матери.

Мы встретились с Лосем у него дома.

— Олег Юлианович, вы придерживаетесь особого режима?

— Не сказал бы. Сон — восемь часов. На работу иду пешком. Вечером вместо дивана — трасса. Из древности дошла до нас мудрость: бегай, пока здоров, а то забегаешь, когда заболеешь (по врачам, имеется в виду). Регулярно бегающий человек не боится простуды, он бодр, подтянут, мало устает. Бег хорош тем, что позволяет регулировать нагрузку: устал — сбавь темп, переходи на ходьбу. Бег не требует особого умения — бегать может и должен каждый.

— Это относится и к школьникам?

— Безусловно. Врачи утверждают: сердце, при отсутствии должной дозы движений, начинает «стареть» с 13 лет. Я часто наблюдаю за тренировками юношей в разных видах спорта. Спорт для многих ограничен стенами физкультурного зала. Пробежаться по аллеям парка они считают зазорным. А ведь те, кто пренебрегает работой на выносливость, в спорте живут не долго. Ну, а ребятам по разным причинам не попавшим в спортивные секции, как говорится, и сам бог велел заниматься бегом!

В. Кордовский

Долина, в которой живет племя хунзов, расположена на северо-востоке Кашмира, в горах, на высоте шести тысяч метров. Чем знамениты эти люди? Они не знают никаких болезней. Они в постоянном движении. Их огороды расположены в 30 километрах от дома. Вся семья добирается до них бегом. И после работы снова бегом добираются домой.

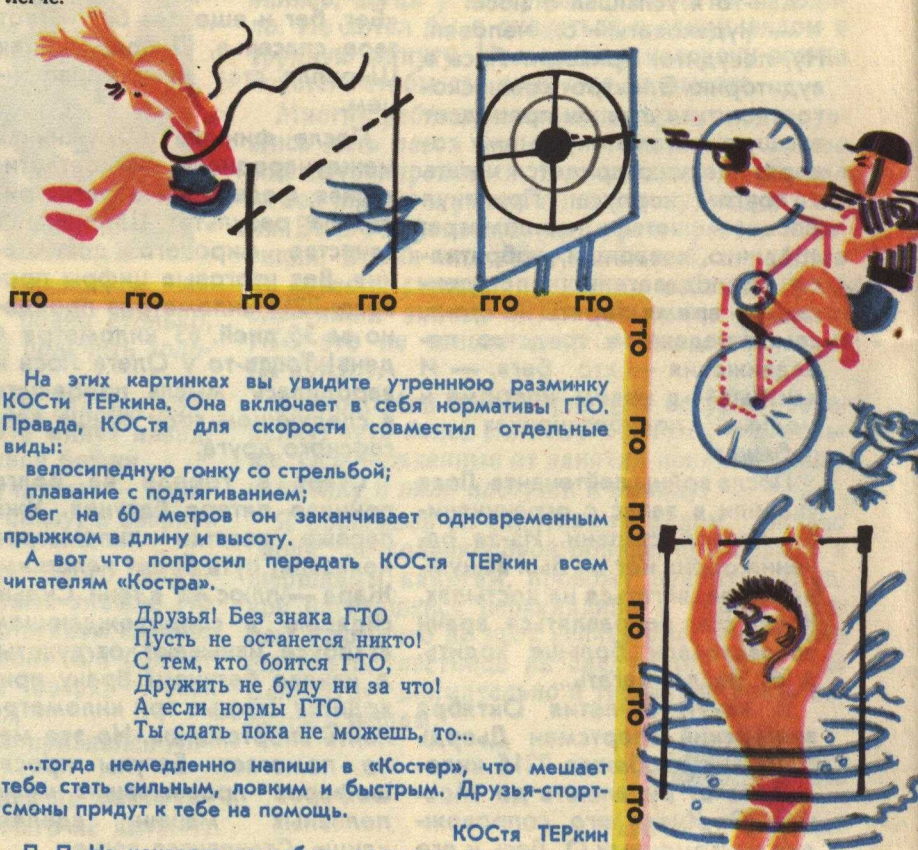
Рассказывают, что однажды хунзы послали гонца с важным поручением за 300 километров. Через неделю гонец вернулся. Он пробежал за семь дней 600 километров! Суровая непривычная жизнь, трудолюбие и выносливость, воспитанная бегом, делают людей этого племени атлетами. Жаль, что в официальных дальних пробегах хунзы не участвуют.

* * *

История сверхмарафона имеет немало интересных страниц. Летом 1935 года пятеро спортсменов из Верхней Туры отправились в Москву. Расстояние около двух тысяч километров они преодолели за 30 дней. Бегуны «проглатывали» в среднем ежедневно 60 километров!

* * *

В конце 50-х годов австралийский марафонец Билл Эмертон пробежал за 19 дней 1534 километра. Но и это достижение было перекрыто. Пять лет назад известный английский стайер Талло пересек американский континент от Лос-Анджелеса до Нью-Йорка. Дистанцию в 4800 километров он покрыл за 56 дней. Бежал он без контроля судей, а очевидцы говорят: англичанин немалую часть пути бежал не по шоссе, а лесными тропами. Такой путь гораздо легче.

На этих картинках вы увидите утреннюю разминку КОСТИ ТЕРкина. Она включает в себя нормативы ГТО. Правда, КОСТя для скорости совместил отдельные виды:

велосипедную гонку со стрельбой;
плавание с подтягиванием;
бег на 60 метров он заканчивает одновременным прыжком в длину и высоту.

А вот что попросил передать КОСТя ТЕРкин всем читателям «Костра».

Друзья! Без знака ГТО
Пусть не останется никто!
С тем, кто боится ГТО,
Дружить не буду ни за что!
А если нормы ГТО
Ты сдать пока не можешь, то...

...тогда немедленно напиши в «Костер», что мешает тебе стать сильным, ловким и быстрым. Друзья-спортсмены придут к тебе на помощь.

КОСТя ТЕРкин
П. П. На конверте не забудь поставить три заветные буквы — ГТО.

ОСЕНЬ

Осень — олень
С золотыми рогами.
Ходит весь день
У реки за стогами.

Там, где олень
Постоял над водою,
Пахнет весь день
Перепревшей листвою.

Там, где стога
Он потрогал губами,
Пахнут луга
Молоком и грибами.

Осень — олень
С золотыми рогами.
Ходит весь день
У реки за стогами.

А в отдаленье
За рощей прибрежной
Ходят олени
Зимы белоснежной.

Л. Андреев
Рисунок Т. Соловьевой

ЕСЛИ БЫ Я БЫЛ ПОДЪЕМНЫМ КРАНОМ...

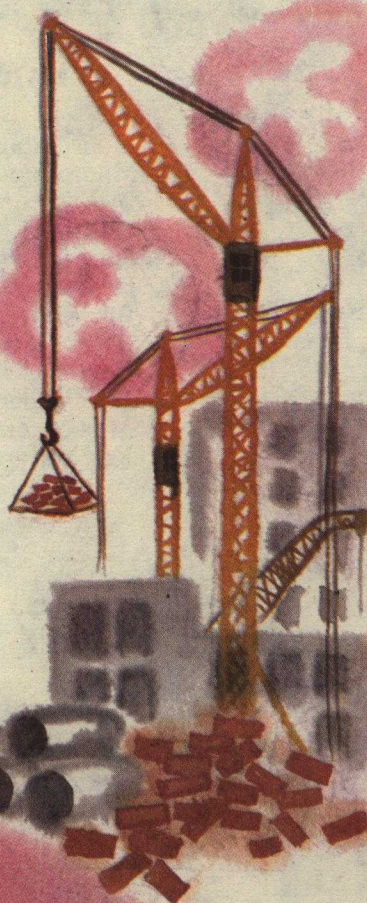
Мне хочется стать силачом-великаном...
Я стал бы, ребята,
строительным краном!
Не просто — высоким,
не просто — огромным,
А самым... Ну, как это... Грузоподъемным!
Не школьный портфель я носил бы в руке,
А грузы таскал на железном крюке!
Я ездил бы тяжело по рельсам железным,
И был бы на стройке я самым полезным.
Вот — нужно поднять на этаж кирпичи, —
Пожалуйста, мастер,

свой груз получи!
А если б еще потянулся слегка,
Я мог бы крюком подцепить облака.
Я мог бы большущую тучу задеть,
И тучу на дом,

словно крышу, надеть!
А ночью, когда мы на стройках одни,
На башенных кранах зажгутся огни.
Я стал бы слегка головою вертеть
И сверху на город заснувший смотреть.
И ночью,

когда все полно тишиной,
Могла б говорить телебашня со мной!

Лев Кузнецов
Рисунок Т. Соловьевой

ЧЕЛОВЕК, КОТОРОМУ ВСЕГДА БЫЛО ХОЛОДНО

Жил человек, которому всегда было холодно. Ему было холодно зимой, и ему было холодно летом. Ему было холодно в шапке, в шубе и в валенках, и ему было холодно у самой жаркой печи. Ему было так холодно, что он постепенно превращался в ледышку. И он превратился бы в ледышку, но однажды он услышал голос: — Я вижу, вам холодно! Вам очень холодно! Как же вам холодно! — и это был теплый голос. И вот, человек согрелся и человек оттаял.

С. Островский
Рисунок О. Биантовской

2

КАК БЫТЬ?

Много кошек — КОШКИ.
Много мошек — МОШКИ.
Бык улегся у реки,
Два быка — уже БЫКИ.
Конь — один, а много — КОНИ...
Но неясно мне про ПОНИ!
Вот шагает, недотрога,
В свой возок запряжена.
ПОНИ... Это значит много,
А она совсем одна!
Может, скажет пони-мать,
Как все это понимать?

Морис Карем
Перевела с французского М. Гурвич

Рисунок
О. Биантовской

4

ГОЛО
ВЛО
МЮИ

ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ

УЧЕНЫЙ КЕНТАВР САВРАСИИ
ПРЕДЛАГАЕТ ЧИТАТЕЛЯМ
РАЗГАДАТЬ 2 ШАРАДЫ

В сем слове первый слог есть мера веса,
А три другие слога, волею Зевеса,
Суть область в Греции, известная и ныне.
Увы! С одной ошибкой в середине.
Хотя повелевает слово целое
Писать, ошибок никогда не делая.

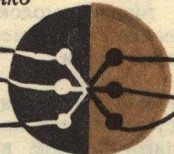
О как приятен он сластенам!
Сушенный, с косточкой внутри
И буквой Н.
Но букву Н сотри,
И з поставь взамен,
И станет он ученым.

Кроссворд

По вертикали. 1. Река в Европе. 3. Чертеж земной поверхности. 4. Море на севере СССР. 6. Страна в Африке. 7. Созвездие, именем которого назван тропик. 10. Река, протекающая в Смоленской области и БССР. 11. Холодное оружие. 14. Река в Закавказье. 15. Государство в Азии. 18. Бобовое растение.

По горизонтали: 2. Приток Рейна. 5. Один из открывателей Антарктиды. 8. Школьная мебель. 9. Центр автономной области в Средней Азии. 12. Приток Иртыша. 13. Река на Северном Кавказе. 16. Столица Ганы. 17. Город на реке Вятке. 19. Одна из спортивно-цирковых профессий. 20. Река в Европейской части РСФСР.

Прислал кроссворд ученик 7 класса
из г. Парпуровцы Винницкой области
Сергей Матиенко

Кто с кем разговаривает?

Алеша, Катя, Маша, Митя, Наташа и Петя разговаривают по телефону. Можете ли вы по этим обрывкам разговоров определить, кто кому звонит?

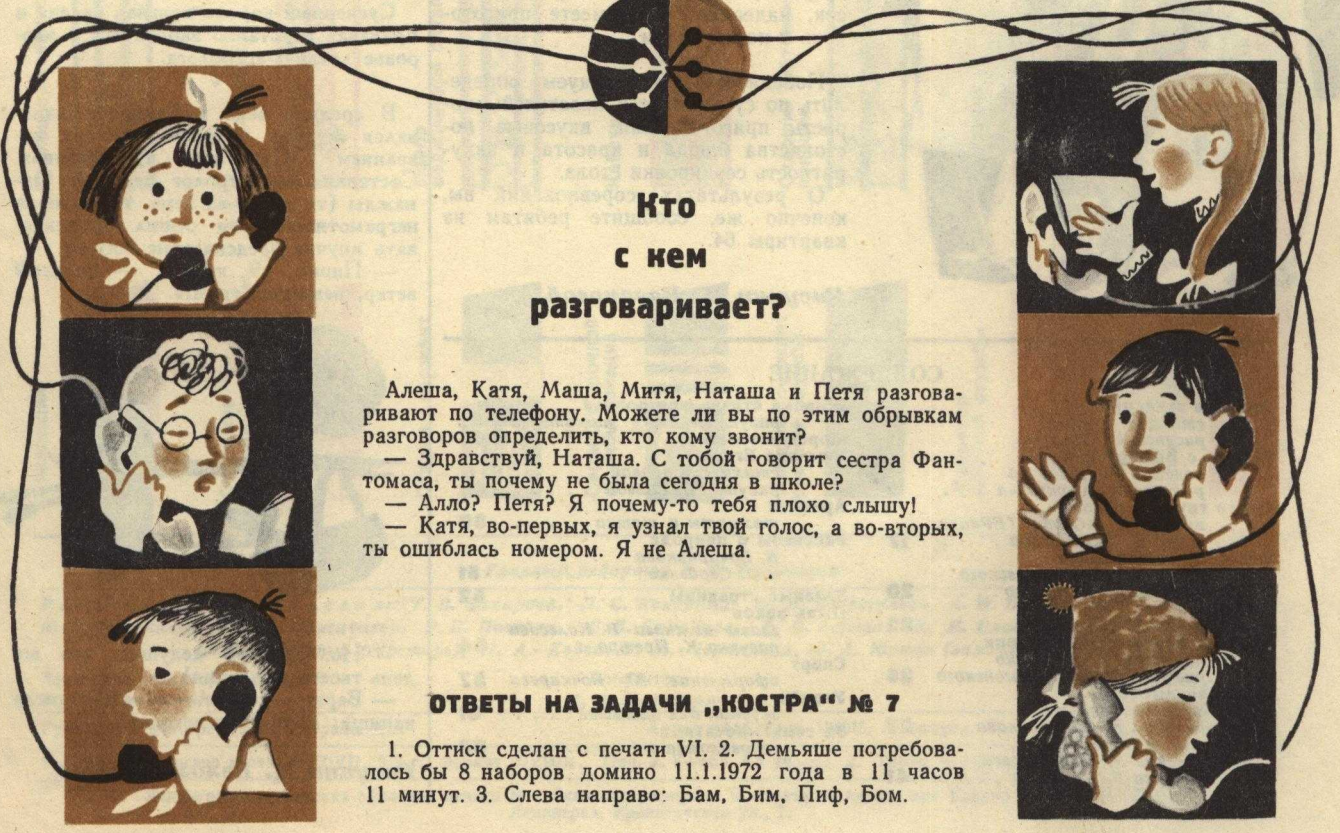
— Здравствуй, Наташа. С тобой говорит сестра Фантомаса, ты почему не была сегодня в школе?

— Алло? Петя? Я почему-то тебя плохо слышу!

— Катя, во-первых, я узнал твой голос, а во-вторых, ты ошиблась номером. Я не Алеша.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ „КОСТРА“ № 7

1. Оттиск сделан с печати VI. 2. Демьяше потребовалось бы 8 наборов домино 11.1.1972 года в 11 часов 11 минут. 3. Слева направо: Бам, Бим, Пиф, Бом.

КТО СКОРЕЕ, КТО ВКУСНЕЕ

...приготовит завтрак себе, брату, сестре, маме и папе?

Ребята из квартиры 64 предлагают выяснить это путем соревнования. Соберитесь после уроков всем звеном у кого-нибудь дома, где кухня попросторнее (с согласия родителей, разумеется). Пригласите в судейскую коллегию родителей, учителей, вожа-

тых и ребят из соседних классов, запаситесь необходимыми продуктами, выберите себе блюдо по вкусу и по сигналу судьи с секундомером приступайте к делу.

Вот вам на первый случай несколько рецептов:

ГОРОШЕК С ГРУДИНКОЙ. 250 граммов грудинки нарезать кусочками, поджарить, положить несколько нарезанных кружочками морковок, репчатого лука, корешков сельдерея, посолить и добавить банку консервированного зеленого горошка, довести до кипения, украсить петрушкой.

ГРЕНКИ С СЫРОМ. Сыр натереть на терке. С хлеба срезать корки и нарезать ломтиками толщиной 1 см. Ломтики смазать сливочным маслом, положить на противень и густо посыпать тертым сыром. Поместить в духовку на 5—10 минут, чтобы сыр зарумянился.

ОМЛЕТ С ГОРОШКОМ. Взболтать 2 яйца, добавить 2—3 столовых ложки политого разогретым маслом консервированного горошка, перемешать и зажарить омлет, который подать сразу же, посыпав укропом.

ВИТАМИННЫЙ САЛАТ. Свежие огурцы (2 шт.), две сырые морковки, 2 яблока нарезать соломкой, перемешать с крупно нарезанными листиками салата (100 г). Полить сметаной (0,5 стакана) и лимонным соком. Украсить нарезанными кружочками помидоров.

Какао, горячее молоко, чай или сок, надеемся, вы сумеете приготовить и подать сами.

Победителя рекомендуем определить по сумме трех показателей: скорость приготовления, вкусовые достоинства блюда и красота и аккуратность сервировки стола.

О результатах соревнований вы, конечно же, сообщите ребятам из квартиры 64.

Рисунки И. Казаковой

НЕЗАДАЧЛИВЫЕ АСТРОЛОГИ

В старину многие верили астрологам, которые по звездам «предсказывали судьбу».

Один астролог, живший при дворе Людовика XI, случайно предсказал смерть фаворитки короля. Людовик призвал к себе псевдоученого, пригласив одновременно и палача.

— Ты вот считаешь, что знаешь очень хорошо судьбу других, скажи же немедленно, сколько времени осталось тебе жить?

Прорицатель, поняв, что ему грозит, спокойно сказал:

— Ваше величество, звезды показали мне, что я умру за три дня до вашей кончины!

Суеверный король прогнал палача и приказал неустанно заботиться о здоровье ловкача-астролога.

* * *

В средние века в Германии издавался журнал предсказаний под названием «Практика крестьянина». Составлял его астролог Ленсберг. Ожидая (то ли из-за лени, то ли из-за неграмотности) он решил продиктовать внучке предсказание погоды.

— Пиши: «9 января — сильный ветер, ненастье, гром!»

— Но, дорогой дедушка, это же день твоего рождения!

— Верно, — согласился дед, — тогда напиши: «Хорошая погода».

Рисунки М. Беломлиниского

СОДЕРЖАНИЕ

Дальние станции стихи В. Суслова рисунки С. Острова	1	Широка страна моя родная рисунки наших читателей	44
Витька с Выборгской повесть Р. Назарова рисунки И. Харкевича	2	Морская газета	46
Дайте трудное дело! интервью КОСТИ ТЕРКИНА фото Б. Черемисина	17	Еще про Егора стихи Е. Серовой рисунки В. Гальбы	48
История с географией рассказ Б. Костюковского рисунки Г. Ясинского	20	Арчебек шахматы и шашки	50
Побег очерк В. Санова	22	Рассказы о природе В. Бочарникова и О. Сербенко	51
Братски поздрав от България передает А. Якубенко рисунки В. Ветрогонского	25	Зеленые страницы	52
Таинственные следы повесть Сат-Ока рисунки К. Овчинникова	27	Пыль веков главы из книги В. Колесова рисунки К. Претро	54
Разбойник Алоизас рассказ Р. Ланкаукаса рисунки Б. Семенова	41	Спорт оформление Ю. Бочкарева	57
		Уголёк журнал для малышей	61
		За семью печатями головоломки	63

ПОГОНЫ! **ЧТО ЭТО ТАКОЕ?**

Мы привыкли их видеть на плечах военнослужащих, — то золотые, то серебряные, то защитного цвета, то малиновые, то черные, — со звездочками, большими и малыми, с золотыми нашивками...

Не всегда военные носили погоны. В России погоны были введены в 1732 году. Точнее — только один, левый. Погоны на обоих плечах стали носить с 1802 года. А в Советской Армии и Флоте погоны появились в начале 1943 года.

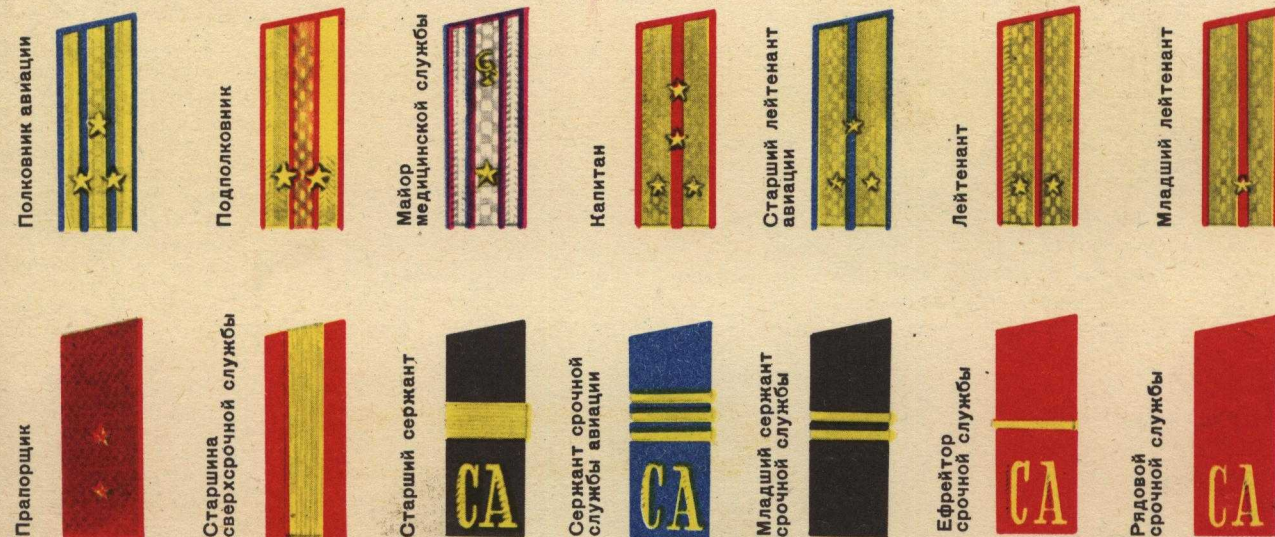
На нашей страничке мы показываем вам далеко не все разновидности погон, а лишь их основные виды — по воинским званиям. Но ведь погоны должны указывать не только на звание, но и на род войск или специальную службу, к которым принадлежит военнослужащий. Для этого и существуют разные цвета для погона или для просветов на офицерских погонах: малиновый цвет для общевойсковых частей, черный — для артиллерии и бронетанковых войск, голубой — для авиации, синий — для кавалерии... Кроме того, для всех родов войск есть погоны повседневные, которые носят в мирное время, и есть — полевые, для условий военного времени и для лагерных учений.

Мы приводим, как образцы, погоны, например, не просто полковника, а полковника авиации; не просто майора, а майора медицинской службы — у общевойсковых полковника или майора цвет погона другой и эмблема отсутствует.

Совсем недавно, в конце 1971 года, в Советской Армии появилось воинское звание прапорщик. Оно присваивается опытным и умелым сержантам и старшинам, которые долго прослужили в армии, сверх положенного срока службы остались в своих частях и подразделениях. Впрочем, звание это старое. Впервые оно было введено еще при Петре I. «Прапор» — старорусское слово и означает «знамя».

Погоны — символ воинской чести и доблести.

Помните об этом, ребята, и даже в военных играх относитесь к своим пока что самодельным «погонам» с уважением.

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина, Ф. Л. Нафтульев, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Ю. Д. Поройков, Л. Н. Пожидаева, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. И. Сладков, Н. В. Тербинская (ответственный секретарь), Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
М. С. Беломлинский

Корректор
В. А. Маевская

Технический редактор
В. И. Мецатунова

Рукописи и фотографии не возвращаются

Адрес редакции: 193015, Ленинград, Таврическая, 37, телефон 14-57-76

М-51000. Подписано к печати 27/VII 1972 г. Формат 60×90 мм. Печ. л. 8+обл. 8,8 уч.-изд. л. Тираж 600 000 экз. Заказ № 2748. Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР.
Ленинград, Кронверкская ул., 7.

С новым годом!
Школьный год
На урок ребят зовет,
Входит в класс,
Несет цветы.
Как его встречаешь ты?

Рисунки В. Кюннана

Стихи В. Шумилина

КАК ВИТАЛИЙ ОТДЫХАЛ

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С БЛИЗНЕЦАМИ

В брюках, кофте шерстяной
Вера модничает в зной.
При жаре, при ветерке
Ходит Таня налегке.

Лето кончилось.
И что же?
Сестры больше не похожи:
Стала угольной Татьяна,
Вера — бледной, как сметана.

Лишь каникулы настали,
— Благодать! — сказал Виталий, —
Утром незачем вставать,
Сколько хочешь, можно спать.
Дни бегут, летят недели,
А Петров храпит в постели.
...Вы подобное видали?
Это просто чудеса:
В класс вошел Петров Виталий,
Опоздав на два часа!
Нам смешно,
Виталий мрачный,
и понятно почему:
Нелегко теперь ему
Отвыкать от... летней спячки.

СЕРЕЖИН СЮРПРИЗ

Огромные космы,
Неясного цвета:
Представьте, Сережа
Не стригся все лето!

Три месяца в руки
Расчески не брал,
А в школу явился —
Никто не узнал.

В ПАРИКМАХЕРСКУЮ

